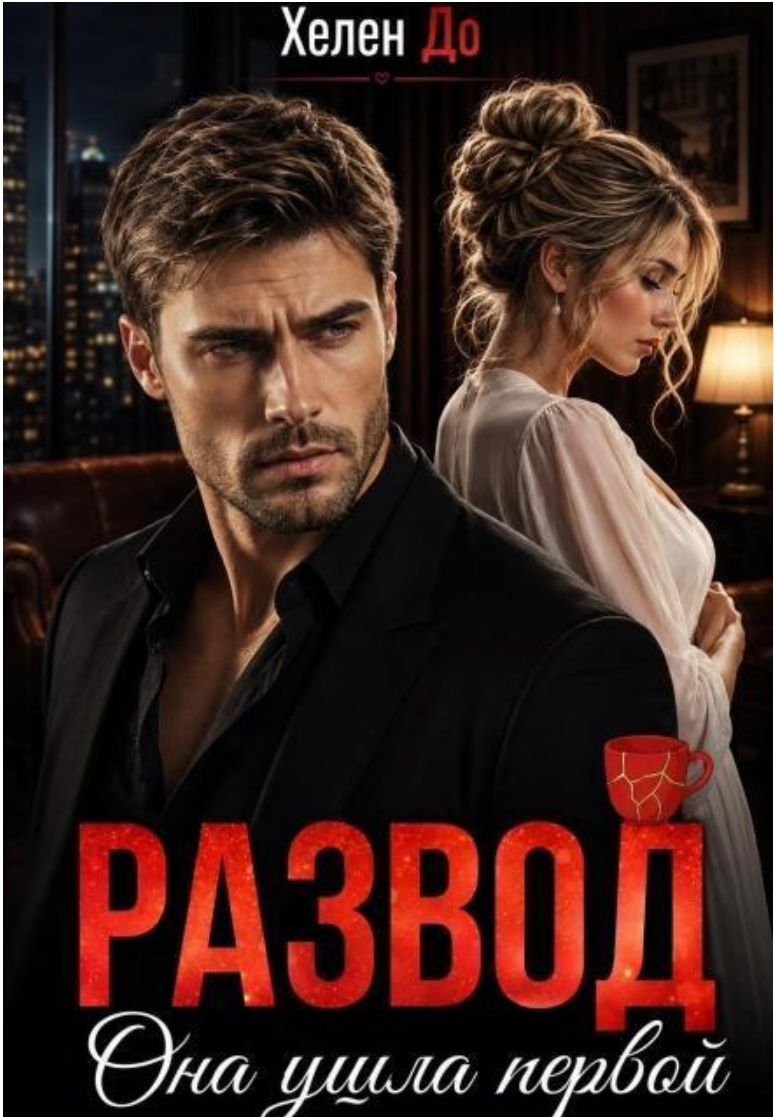

Хелен До
РАЗВОД
Она ушла первой

Хелен До
Развод. Она ушла первой

https://litres.ru/74825922

Аннотация

Пятнадцать лет брака, дочь-подросток и муж, который всё чаще выбирает не семью, а работу. А когда ко всему прочему у Максима появились тайные встречи, странные сообщения и крупный перевод незнакомой женщине, Лера не стала ждать, когда ее бросят. Она ушла первой...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	6
Визуализация героев ♥♥♥	18
Глава вторая	21
Глава третья	29
Глава четвертая	36
Глава пятая	46
Глава шестая	55
Глава седьмая	65
Глава восьмая	72
Глава девятая	81
Глава десятая	90
Глава одиннадцатая	99
Глава двенадцатая	109
Глава тринадцатая	116
Глава четырнадцатая	126
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Пролог

Утром Максим проснулся в семь двадцать. Сначала он ничего не понял. Просто повернулся на бок, протянул руку. Там было пусто.

В квартире стояла подозрительно оглушающая тишина. На кухне не играла тихонько колонка, из ванной не доносился шум падающей воды из душа.

Соколов сел.

- Лер?

Ответом ему стала тишина. Он поднялся и в одних боксерах прошлепал на кухню, но ни там, ни в гостиной никого не было. Максим даже в Сашкину комнату заглянул, хоть и понимал, что в дочкиной комнате Лера будет прятаться в последнюю очередь.

Максим вернулся в спальню, чтобы взять телефон и набрать жену, и только тогда заметил, что на кресле нет Лериных джинсов, а с тумбочки исчезла зарядка для телефона, которая вечно там валялась в ожидании работы и своим свисающим белым проводом бесила Макса.

- Лера? - позвал он снова и сам ужаснулся, как глупо это выглядело. Взрослый дядька, а как будто мамочку потерял. Может, она просто с утра в торговый центр уехала? Хм, в 7 утра? Максим взял телефон и набрал ее номер. Робот на

том конце провода металлическим безжизненным голосом сообщил, что абонент временно недоступен.

Максим нахмурился.

Подумал немного и позвонил снова, но в трубке было то же самое. Дико захотелось кофе.

Макс во второй раз за это утро пришел на кухню. И только теперь, проходя мимо холодильника, увидел лист бумаги на обеденном столе. Рядом стояла его любимая чашка. И белые хризантемы, уронившие за ночь несколько лепестков.

Максим взял записку и вгляделся в слова. Почерк Леры был ровным, по-настоящему учительским.

«*Не волнуйся. Со мной всё хорошо. Я просто решила хотя бы один раз не ждать, а принять решения самостоятельно. Ты хотел другой жизни. Получай. На развод подам сама*».

♥♥♥♥♥♥♥♥♥♥♥♥♥♥♥

Приветствую вас в своей новой истории, которая пишется в рамках

ЛИТМОБА "РАЗВОД СО СТРАСТЬЮ"

https://litnet.com/shrt/G6Lc

Пытаясь разрушить брак, случайно его починили!

НОВАЯ ИСТОРИЯ ВЫЙДЕТ ПОСЛЕЗАВТРА!!

Глава первая

- Нет, Кира, здесь дело не во времени. Ты пытаешься перевести фразу дословно, а язык так не работает.

Лера чуть отодвинулась от ноутбука и поправила выбившуюся из небрежного пучка прядь. За окном стоял ленивый июльский день - жаркий, светлый, словно немного разморенный собственной продолжительностью. Солнце лежало на подоконнике широким золотистым прямоугольником, нагревало листья фикуса и заставляло Леру время от времени щуриться, хотя жалюзи она опустила еще утром.

На экране семнадцатилетняя Кира страдальчески закатила глаза.

- Но я же поняла, что он хотел сказать.

- Ты - поняла. А он, судя по твоему пересказу, нет.

- Потому что он тупой.

- Прекрасный аргумент. Особенно для международной коммуникации.

Кира фыркнула.

Лера улыбнулась и сделала глоток давно остывшего кофе. Вообще-то в июле она старалась не брать учеников. После девяти месяцев занятий, бесконечных домашних работ, пробников, экзаменов и сообщений от родителей в половине одиннадцатого вечера с сакраментальным «Лера, простите, что так поздно, но…» ей хотелось хотя бы несколько

недель не видеть ни учебников, ни таблиц неправильных глаголов. Однако Кира в августе собиралась поступать в европейский университет и была убеждена, что без Леры немедленно забудет английский целиком, включая алфавит. Пришлось оставить два занятия в неделю.

- Давай еще раз, - сказала Лера. - Ты не понимаешь, что человек имел в виду. Что ты делаешь?

- Решаю, что он идиот?

- Кира.

- Спрашиваю.

- Именно. Не додумываешь за него. Не строишь теорий. Не решаешь, что он хотел сказать. Просто спрашиваешь.

- А если он не ответит?

- Тогда хотя бы будешь точно знать, что проблема не в твоем воображении.

Кира задумалась, склонив голову набок.

- Это сейчас английский был или психология?

- За психологию берут дороже.

- А вы берете мало.

- Спасибо. На этом приятном замечании закончим.

Они распрощались.

Лера закрыла ноутбук, и квартира мгновенно погрузилась в тишину.

Она была такой плотной, что поначалу казалась почти материальной.

Еще неделю назад из Сашиной комнаты непрерывно до-

носилась музыка. Хлопали дверцы шкафов, гудел фен, кто-то разыскивал зарядку, наушники, вторую сережку и смысл жизни. Последний, правда, искали исключительно в минуты, когда мать требовала убрать кружки из комнаты.

Теперь дверь стояла распахнутой, кровать была аккуратно застелена, а на столе лежала забытая резинка для волос. Саша уехала к бабушке с дедушкой на всё лето. Вернее, не «уехала», а отбыла, продемонстрировав родителям тот уровень радости, который приличная четырнадцатилетняя девушка должна испытывать, временно избавляясь от их общества.

- Только не звоните мне каждый день, - предупредила она, заталкивая в рюкзак наушники.

- Почему? - оскорбилась Лера.

- Потому что я взрослая.

- Конечно. Особенно когда деньги заканчиваются.

- Деньги - пережиток капиталистического общества.

- Тогда тебе они не понадобятся.

После этого Саша немедленно признала некоторые достоинства капитализма.

Лера улыбнулась воспоминанию и машинально посмотрела на часы. Половина пятого. До возвращения Максима оставалось часа три с половиной. Если он, конечно, вернется к восьми. Утром он обещал. Она встала, отнесла чашку на кухню и открыла холодильник.

Можно было ничего не готовить. Заказать пиццу, нарезать

салат или вообще съесть творог с ягодами. Но почему-то хотелось нормального ужина. Такого, за которым сидят вдвоем, наливают вино и разговаривают не о том, сколько Саша получила по алгебре, и кто завтра заберет машину из сервиса.

Лера достала мясо. Наверное, дело было именно в Сашином отсутствии.

За пятнадцать лет брака они с Максимом привыкли к семейной жизни настолько, что перестали замечать ее устройство, как человек перестает замечать тиканье часов в собственной комнате. Утро сменялось вечером, будни - выходными. Нужно было работать, покупать продукты, водить ребенка к врачу, встречать курьеров, платить за квартиру, планировать отпуск. И между всеми этими делами существовали они. Лера никогда не считала свой брак несчастливым. Даже сейчас, если бы ее спросили, любит ли она мужа, ответила бы не задумываясь.

Да. Просто любовь за пятнадцать лет тоже становилась другой. В двадцать два она была похожа на пожар: достаточно было Максиму взять ее за руку, чтобы весь остальной мир делался несущественным. В тридцать семь любовь скорее напоминала дом. Ты не думаешь каждое утро о том, насколько прекрасны его стены. Не восхищаешься крышей. Не целуешь дверные косяки от благодарности за то, что они существуют. Ты просто знаешь: это твое место, здесь тепло, здесь тебя ждут. Наверное. Лера замерла с ножом в руке. По-

следнее слово возникло неожиданно и ей не понравилось. Она решительно разрезала помидор.

К семи кухня наполнилась запахом розмарина и запеченного мяса. Лера успела принять душ, высушить волосы и даже переоделась из домашних шорт в легкое синее платье. Не специально для Максима, а просто так.

В семь сорок она накрыла на стол. В восемь ноль пять написала ему: «Ты скоро?»

Ответ пришел через неприлично долгие семь минут. «Да. Скоро выезжаю»

В восемь сорок мясо отправилось обратно в духовку.

В девять десять Лера сняла серьги.

В девять двадцать пять переоделась обратно в шорты.

В девять сорок пришло новое сообщение: «Прости. Еще минут сорок».

Лера посмотрела на экран, вздохнула и написала:

«Хорошо».

Она не писала, что ждала и не выдвигала претензий, что он обещал и мог бы предупредить заранее. Она написала лишь это короткое «хорошо» и вдруг подумала, что это - удивительно удобное слово. Маленькое, гладкое, ничего не требующее от собеседника. В него можно было завернуть почти любое разочарование, словно хрупкую вещь в пузырчатую пленку.

В десять двадцать в прихожей наконец повернулся ключ.

- Лер?

- Я на кухне.

Максим появился в дверях, одновременно стягивая галстук.

В свои сорок он выглядел, пожалуй, лучше, чем в тридцать. Возраст не испортил его, а лишь убрал из лица юношескую мягкость, обозначив скулы, прорезав возле глаз тонкие морщинки и добавив в русые волосы первые серебряные нити, которые особенно хорошо были заметны на висках. Высокий, подтянутый, в белой рубашке с закатанными до локтей рукавами, он сейчас казался именно таким, каким его привыкли видеть на работе: собранным, уверенным, человеком, у которого всегда имеется решение.

- Прости.

Максим подошел и привычно поцеловал ее в висок – тепло, на секунду задержав губы у волос. Лера почувствовала знакомый запах его парфюма, летней улицы и кофе.

- Ты это уже написал.

- Написать легче.

- Поэтому решил повторить лично?

- Решил повысить качество извинений.

Он поставил на стол небольшую коробку.

- Это тебе.

Лера подняла крышку. Внутри лежало фисташковое пирожное из кондитерской возле его офиса. Ее любимое. Раздражение, бережно выращиваемое последние два часа, пошатнулось.

- Подкуп? – улыбнулась она.

- Компенсация морального вреда.

- Слабовато для двух с половиной часов.

- Могу завтра донести.

Она улыбнулась снова.

Вот в этом был весь Максим.

Он мог забыть позвонить.

Мог опоздать на ужин.

Мог, придя домой, еще полтора часа разговаривать с подрядчиком.

Но каким-то образом помнил, что Лера любит именно фисташковое пирожное, а не фисташковый эклер, потому что в эклере, по ее мнению, слишком много крема. И как на него сердиться?

- Садись. Я разогрею.

- Сам.

- Уже разогревается.

Максим снял часы, положил рядом с телефоном и сел за стол.

- Сашка звонила?

- Мне - нет. Прислала фотографию.

- Какую?

Лера показала.

На экране Саша стояла по колено в речке, демонстрируя камере выражение лица человека, вынужденного проводить лето в нечеловеческих условиях. Рядом сияла счастливая ба-

бушка.

Максим рассмеялся.

- Теща заставила ее сфотографироваться?

- Очевидно.

- По лицу видно.

- Я спросила, как ей отдыхается.

- И?

- Ответила: «Живу».

- Многословно.

- Я воспитала эмоционально открытого ребенка.

Максим усмехнулся и взялся за вилку.

Несколько минут они ели молча.

Лера поймала себя на том, что слушает, как нож Максима касается тарелки.

Раньше молчание между ними никогда ее не смущало. С близким человеком можно молчать часами, не ощущая необходимости заполнять пространство словами. Но сейчас это было другое молчание. Будто из комнаты вынесли большой предмет мебели и на его месте осталось светлое пятно на обоях. Не хватало Саши. Ее вечного: «А знаете, что сегодня было?», «Мам, только не начинай», «Пап, скажи ей», «Почему сразу я?», «Вы вообще нормальные родители?». Лера вдруг поняла, что дочь последние годы была не только их ребенком. Она была способом, темой и поводом для разговоров, мостиком, по которому они с Максимом каждый день переходили друг к другу, даже не замечая, что без него

между берегами давно стало слишком много воды.

- Как день прошел? - спросила она.

Максим поднял глаза.

- Сумасшедший.

- Что случилось?

- Да всё сразу. Подрядчик опять сроки сдвигает, финансисты пересчитали бюджет, завтра встреча с руководством. Плюс новый объект висит.

- Тот, который в области?

- Угу.

Телефон рядом с его рукой коротко завибрировал.

Максим посмотрел на экран, но не взял.

- А у тебя? - спросил он.

Лера почему-то обрадовалась вопросу.

- Кира была.

- Которая поступает?

- Да. Сегодня двадцать минут объясняла ей, что люди не умеют читать мысли и иногда проще спросить прямо.

- Полезный навык.

- Чрезвычайно.

Телефон завибрировал снова. Максим нахмурился.

- Извини.

Он взял его, быстро что-то напечатал. Все это время Лера ждала.

- Так вот, - сказал он, отложив телефон, - Кира...

Снова вибрация.

На этот раз экран лежал так, что Лера невольно увидела сообщение. Оно было от некой Алины: «Завтра после семи удобно. Раньше не получится». Максим прочел его и перевернул телефон экраном вниз. Движение было совершенно обычным. Возможно, он просто не хотел отвлекаться, но Лера почему-то замолчала.

- Так что Кира? - спросил он.

- Ничего. Поступает.

- А.

Он снова принялся за ужин.

За окном густел летний вечер. Солнце уже ушло за дома, но небо еще сохраняло бледное, прозрачное свечение, обещавшее долгие сумерки. Где-то внизу хлопнула автомобильная дверь. По двору с криками пробежали дети.

В их кухне было тихо.

- Максим.

- М?

- Кто такая Алина?

Вопрос прозвучал буднично.

Настолько буднично, что Лера сама удивилась, зачем вообще его задала.

Муж поднял взгляд.

На долю секунды - такую короткую, что ее легко можно было принять за обычную попытку вспомнить, о ком речь, - в его лице появилось замешательство.

- Алина?

- Которая пишет тебе, что завтра после семи удобно.

Максим посмотрел на перевернутый телефон.

- А. Воронцова.

- Кто она?

- Юрист.

Лера кивнула, ответ был исчерпывающим. Она отрезала кусочек мяса.

- По работе?

И снова - пауза.

Совсем маленькая.

- Вроде того.

Лера подняла глаза.

- Что значит «вроде»?

Максим улыбнулся, но как-то рассеянно, уже думая о чем-то своем.

- Значит, что это - долгая история. Потом как-нибудь расскажу.

Потом. Лера медленно кивнула.

- Хорошо.

Максим потянулся через стол и накрыл ее руку своей.

- Ты чего?

- Ничего.

- Точно?

Пятнадцать лет назад от одного его прикосновения у нее сбивалось дыхание. Теперь она посмотрела на большую теплую ладонь, лежавшую поверх ее пальцев, и подумала, что

знает эту руку почти наизусть. Шрам возле большого пальца. Тонкую светлую полоску на запястье. Привычку постукивать указательным пальцем по столу, когда Максим нервничал. Она знала, как он спит, как сердится, как смеется, запрокидывая голову. Какую рубашку наденет на важную встречу и сколько ложек сахара положит в кофе, если особенно устал. Она знала этого человека почти половину своей взрослой жизни. Поэтому Лера улыбнулась и перевернула ладонь, переплетая пальцы с его пальцами.

- Точно.

Максим сжал ее руку и отпустил.

Через несколько минут телефон завибрировал опять.

На этот раз он даже не посмотрел, а Лера посмотрела.

Телефон лежал экраном вниз. Тот засветился и погас, оставив после себя черную тень на столешнице. И почему-то именно это – черный прямоугольник смартфона, остался у нее в памяти после того, как они убрали посуду, Максим ушел в душ, а она погасила на кухне свет. Наверное, потому, что некоторые вещи начинаются вовсе не с громких слов, не со скандала, не с чужого запаха на рубашке и не с сообщения, которое невозможно объяснить. Иногда между двумя людьми сначала появляется всего лишь перевернутый экран телефона.

А всё остальное они прекрасно умеют придумать сами.

Визуализация героев ♥♥♥

Всем привет. Ловите арты-визуалы героев истории.
Лера.
Макс.
Саша. Дочь-подросток 14 лет.

Делитесь в комментариях, как вам визуалы героев?

Глава вторая

Лера поняла, что Максим ушел, еще до того, как открыла глаза. За пятнадцать лет человек привыкает не только к присутствию другого рядом, но и к тому особому рисунку тишины, который остается после него. Не шумит вода в ванной, не звякает ложка о чашку, никто не открывает и не закрывает шкаф, в сотый раз безуспешно пытаясь сделать это бесшумно. Даже воздух становится неподвижным, словно квартира, проводив одного из хозяев, снова погружается в сон.

Лера пошарила рукой по половине мужа и поняла, что простынь на той стороне кровати уже давно холодная. На ее тумбочке стояла чашка, на которой Лера разглядела приклеенный жёлтый стикер с запиской: «Кофе в кофеварке. Не забудь поесть»

Лера невольно улыбнулась. Вот попробуй заподозрить в чем-нибудь человека, который перед уходом в семь утра варит тебе кофе и напоминает о завтраке. Она полежала еще минуту, глядя в потолок. Вчерашнее смс от Алины при свете утра показалось сущей ерундой. Ну, написал мужу юрист, подумаешь! Ну, вечером, с кем не бывает? Люди вообще-то работают не только с девяти до шести, и Лера знала об этом лучше многих: сама порой до половины одиннадцатого объясняла условные предложения старшеклассникам, внезапно вспоминавшим о поступлении за три месяца до экзамена.

Она ведь только вчера твердила об этом Кире - не додумывать, а спросить.

Лера спросила - Максим ответил. Юрист, и точка.

Она отбросила одеяло и отправилась на кухню. Кофе действительно ждал в кофеварке, правда, успев превратиться из напитка в густую темную субстанцию, способную, вероятно, растворять металл. Лера вылила его, приготовила свежий и вышла с чашкой на балкон.

Город уже проснулся. Где-то внизу сердито сигналили машины, дворник возил по асфальту метлой, на соседнем балконе женщина в махровом халате развешивала белье, встряхивая каждую вещь с такой решительностью, словно предъявляла окружающему миру неоспоримые доказательства чьей-то вины. День обещал быть жарким и, вдруг осознала Лера, совершенно пустым. Она сделала глоток ароматного кофе.

А ведь, весь учебный год ей мечталось именно об этом: нет жесткого расписания, нет восьми занятий подряд. Не нужно объяснять родителю, почему одного урока перед экзаменом недостаточно, чтобы ребенок, последние семь лет принципиально игнорировавший дисциплину, внезапно заговорил на английском, как выпускник Оксфорда.

В отпуске можно читать, гулять, смотреть сериалы или разобрать наконец, хлам в кладовке. Можно просто ничего не делать. На же практике оказалось, что ничего не делать прекрасно первые два дня. На третий начинаешь скучать.

На пятый сортировать аптечку, проверяя сроки годности лекарств. На седьмой внезапно понимаешь, что превращаешься в зануду с неподтвержденным ОКР.

Лера поставила чашку на подоконник и посмотрела вглубь квартиры. До отъезда Саши в деревню она была уверена, что мечтает хотя бы неделю пожить в тишине. Теперь внезапно выяснилось: тишина, о которой мечтаешь, и тишина, которая обрушивается в действительности - две совершенно разные вещи.

Женщина достала телефон. Саша последний раз была в сети двадцать три минуты назад. Это означало, что та либо спит с телефоном в руке, либо уже встала, но методично игнорирует человечество в лице собственной матери. Лера вздохнула и решила позвонить. Дочь ответила после шестого гудка.

- Мам.

Это было произнесено с такой обреченностью, что Лера немедленно почувствовала себя человеком, как минимум, прервавшим международные переговоры государственного уровня.

- Доброе утро.
- Угу.
- Ты спала? - осторожно поинтересовалась Лера.
- Нет.
- А голос такой, будто спала.
- Я лежала. - пробурчала Сашка в ответ.

- Это многое меняет.

На другом конце послышалось шуршание, потом приглушенный бабушкин голос:

- Сашенька, сырники стынут!

- Иду! - недовольно просопела дочь.

- Передавай бабушке привет.

- Она рядом, сама все слышит.

В подтверждение в трубке немедленно прозвучало:

- Лерочка, привет!

- Привет, мам.

- Ты там ешь нормально?

Лера закатила глаза. Существуют вещи вечные: восход солнца, смена времен года и материнская уверенность, что тридцатисемилетняя дочь погибнет от истощения, если ее оставить без контроля более чем на сутки.

- Ем.

- Максим-то хоть дома бывает? - сама того не желая, мать наступила на ещё совсем свежую мозоль.

- Бывает.

- Передавай ему привет. - быстро сказала мама и тут же отвлеклась. - Саша, возьми сметану!

- Я не хочу! - услышала Лера знакомый недовольный тон.

- Хочешь.

- Бабушка!

- Мам, дай мне Сашу.

- Да пожалуйста. - фыркнула Тамара Петровна. - С ней же

невозможно разговаривать. Вчера сказала, что мои помидоры пахнут землей.

- Конечно, - рассмеялась Лера. - Они же растут в земле, чем им ещё пахнуть?

- Вот и я ей говорю.

Телефон снова перешел в руки к дочери.

- Я здесь в роли жертвы, - сообщила Саша громким шепотом. Лера тут же представила, как картинно дочь округлила глаза.

- Безусловно. Тебя кормят домашними сырниками и заставляют есть помидоры. Мне уже звонить в опеку?

- Очень смешно. - надулась Сашка. - Ты скучаешь? - вдруг перевела тему Лера.

Повисла подозрительная пауза.

- Мам, я всего неделю здесь.

- Это не ответ. Говори...

- Ну...

- Я слушаю.

- Иногда.

Лера победно улыбнулась.

- Я тоже.

- Только не начинай свои сюси-пуси.

- Уже закончила. - вздохнула она.

- Ну, вот и хорошо.

- Как планы на сегодня?

Саша немедленно оживилась и минут пять рассказывала

что-то про подругу Катю, велосипед, реку и соседского мальчика Артема, которого следовало понимать, как исключительно социальную единицу мужского пола, не представляющую романтического интереса. Лера слушала, задавая вопросы так осторожно, чтобы не спугнуть редкий приступ дочерней разговорчивости.

Потом Саша вдруг сказала:

- Кстати, папа вчера денег перевел.

- Хорошо.

- Пять тысяч, мам.

Лера хмыкнула:

- И что?

- Просто так. Нормально это?

- Бедный ребенок, отец дал денег. - попыталась пошутить Лера, но от этой новости стало почему-то неприятно. Макс откупается?

- Мам.

- Что?

- Папа просто так дал пять тысяч. Это же за гранью!

Лера рассмеялась.

- Не преувеличивай. Он не настолько суров.

- Обычно он спрашивает, сколько мне надо.

- Может, решил проявить щедрость.

- Еще написал, чтобы я сразу говорила, если что-нибудь понадобится.

- Саш, это называется «отец заботится о ребенке».

- Он как-то странно заботится.

- Как именно?

- Не знаю.

Саша замолчала.

- Еще спросил, нравится ли мне здесь.

Лера нахмурилась.

- И?

- Ничего. Я сказала, что нормально.

- Ну вот.

- Просто он обычно спрашивает, хорошо ли я себя веду.

- Возможно, за четырнадцать лет он понял, что этот вопрос бессмысленный.

- Очень смешно.

- В кого же ты такая обидчивая?

- В папу.

- Я ему передам. Отличная благодарность за заботу.

- Не надо!

- Поздно. Записала.

Саша фыркнула. Еще через минуту она уже прощалась, потому что бабушка грозилась отдать сырники дедушке, а это, очевидно, было серьезной угрозой.

Телефон погас, а Лера еще некоторое время держала его в руке, бесцельно пятясь в экран.

Странно? Нет, ничего странного - возразила она сама себе. Максим любил дочь. Просто выражал это не ежедневны-

ми разговорами по душам, а исправным обеспечением мира всем необходимым. Если Саше требовались новые кроссовки, он не спрашивал, зачем человеку, имеющему две ноги, нужны шестые по счету. Если она хотела на концерт, интересовался не стоимостью билета, а тем, кто ее отвезет и заберет.

Его любовь всегда была наполнена действиями, надёжностью и практичностью. Максим никогда не разбрасывался деньгами просто так. Наверное, поэтому Лере стало чуть тревожно от его непривычного поведения. Она сердито поднялась. Вот, опять она додумывает. Лера отнесла чашку в раковину и демонстративно занялась делами.

♥♥♥♥♥♥♥♥♥♥♥♥♥♥♥

Дорогие читатели!
Спешу познакомить вас с новинкой
от автора *Миллитина*
Развод с продолжением"
https://litnet.com/shrt/TkIg

Глава третья

К полудню Лера разобрала шкаф в прихожей, до которого вечно не доходили руки. В процессе разбора в нем обнаружились три Сашиных зонта, один из которых считался потерянным с прошлого ноября, пакет с батарейками неизвестного происхождения, а еще шапку Максима, в исчезновении которой он два года обвинял ее, Леру.

Ощущая невероятную собственную правоту, Лера тут же сфотографировала головной убор и отправила снимок мужу.

«*Нашла пропавшую без вести*» - подписала она фото.

Ответ пришел примерно через минуту.

«*Не может быть. Где?*» - искренне недоумевал Максим.

«*Там, где я говорила. В шкафу*» - подчеркнула Лера.

«*Прикажу возвести тебе памятник при жизни в нашем новом ЖК*» - отшутился Макс

«*Извинения принимаются исключительно квадратными метрами*» - тут же ответила Лера.

В ответ ей прилетел смеющийся смайл. Когда Лера зашла в переписку, Макс уже был не в сети. Лера посмотрела на экран и почувствовала себя слегка глупо. Ну, какая Алина? Какая измена? Она даже еще не успела всерьез произнести это слово про себя, а уже устыдилась собственных мыслей.

Максим писал ей так же, как всегда. Утром сварил кофе. Вчера принес пирожное. Он пятнадцать лет был рядом.

Неужели брак вообще можно расшатать одним сообщением от женщины, о существовании которой ты сутки назад даже не знала?

Телефонный экран снова загорелся.

«*Сегодня буду поздно. Не жди*»

Улыбка моментально слетела с лица сама собой. Лера несколько секунд смотрела на сообщение, потом набрала:

«О*пять объект?*»

Три точки появились почти сразу. Макс печатал. Секунда, другая. Точки исчезли и появились снова.

«*Есть одна встреча*».

Лера перечитала. Она могла бы, конечно, спросить: с кем встреча? И наверное, имела полное право. Но почему-то не спросила, ответив скудным «хорошо». Положила телефон на комод и только после этого вдруг рассердилась. И объектом ее злости был не Максим, а она сама. Почему она второй день подряд пишет это чертово слово, когда ничего хорошего в том, что муж снова вернется домой невесть когда, нет? Почему нельзя написать: «Мне не нравится, что ты каждый вечер где-то пропадаешь» или «Я хотела провести время с тобой», или хотя бы «Во сколько будешь?». Но Лера представила его между совещаниями, звонками, стройкой и этой неизвестной встречей - и не стала. Она всегда старалась никогда не быть обузой. В первые годы брака потому, что Максим работал за троих и они действительно считали каждую копейку. Потом ей было не до того, потому что родилась Са-

ша. Позже - потому что муж наконец начал расти по карьерной лестнице в компании, и Лера гордилась им, боясь помешать или отвлечь в неподходящий момент. Она уважала его труд. Она понимала и терпела. Наверное, привычка входить в положение другого человека иногда бывает не менее вредной, чем привычка его не слышать.

Сегодня вечером она не готовила. Назло - правда, сама не смогла бы сказать, кому именно? Просто заказала роллы, открыла бутылку белого вина и включила сериал, который Максим терпеть не мог.

В одиннадцать вечера Лера поняла, что все равно ждет. Да, она не сидит у окна, выглядывая в освещенный прямоугольник двора, и не вздрагивая от каждого подъема лифта, конечно. Она все-таки была взрослой женщиной, а не героиней сопливой мелодрамы. Просто смотрела сериал и не помнила, какую сейчас показывают серию, и то и дело смотрела на часы. В половине двенадцатого она решилась и набрала ему. Телефон мужа оказался недоступным. Может, едет на машине по тоннелю в центре, там может не работать связь. Лера уткнулась в свой телефон, открывая то одно приложение, то другое. Глаз зацепился за смс о списании за доставку, и Лера на автомате зашла в банковское приложение. Семейный счет они завели много лет назад, и все крупные траты мог видеть каждый из них.

Она уже собиралась закрыть приложение, смахнув уведомление, когда взгляд зацепился за строчку: Такси. 1 486

#. И время - 21:17. Лера машинально нажала на операцию и провалилась в информацию о заказе. Адрес подачи оказался в районе, где не было ни офиса Максима, ни их строительных объектов. Она знала расположение большинства из них хотя бы приблизительно - пятнадцать лет брака невольно превращают жену руководителя проектов в человека, способного ориентироваться по фразам вроде «тот дом на северо-западе» и «объект, где подрядчик - идиот».

Адрес, куда вызывали такси, был другим - жилой район достаточно далеко от центра. Лера почувствовала, как в груди что-то неприятно сжалось. Она тут же возразила себе мысленно. И что? У человека встреча. Люди проводят встречи в разных районах, и даже в р ресторанах. А еще в чужих офисах. А дома? В том районе, куда укатило два часа назад такси, не было бизнес-центров. Последняя мысль зацепилась в голове чуть дольше остальных. Лера вспомнила вчерашнюю смс от Алины, мол, ей удобно после семи. Лера медленно положила телефон на диван.

Нет. Она не станет устраивать из этого дешевый детектив. Максим придет, и она спросит. Спросит прямо, как сама намедни учила Киру. Учила не додумывать, а спросить словами через рот.

В двенадцать десять в замке повернулся ключ. Максим вошел в прихожую усталый, ослабляя на ходу воротник рубаш-

ки прямо на пороге.

- Ты не спишь?

- Как видишь.

- Я думал, уже легла.

- Не хотелось. – соврала Лера.

Он наклонился поцеловать ее, но в этот момент женщина встала за бокалом, и движение получилось неловким: губы Максима скользнули по ее волосам.

- Ел? - спросила она.

- Перехватил на ходу.

- Где? - Лера старательно делала вид, что этот вопрос ее мало волнует.

Макс уже направлялся в ванную и потому ответил через плечо:

- По дороге.

Лера нервно взяла бокал. Вот сейчас - просто спросить, и ему придется ответить.

- Макс.

Муж обернулся.

- М?

- Ты где был? - вопрос все-таки прозвучал чуть иначе, чем она собиралась, как будто допрос устроила.

Максим на секунду задумался, а потом ответил, и Лера поняла, что он выкручивался.

- Заезжал к человеку.

- К какому человеку?

Он посмотрел на Леру внимательнее.

- Что случилось?

- Ничего. Просто спросила.

- По работе ездил.

- Это была та самая встреча?

- Да.

- Понятно. – ответила небрежно, хотя ни черта ей понятно не было.

Она сделала глоток вина и то показалось сущей кислятиной. Максим несколько секунд продолжал смотреть на нее, будто чувствуя какой-то подвох, но не находил его источника.

- Лер...

- Иди в душ, ты устал.

- Точно всё нормально?

Удивительно, второй вечер подряд один и тот же вопрос. И второй вечер подряд она могла сказать правду - что ей одиноко, что ее раздражают его вечные задержки, что женщина по имени Алина второй день непрошено присутствует где-то в ее мыслях, что этот неизвестный адрес такси ей не нравится, но вместо этого Лера улыбнулась.

- Точно.

Максим кивнул и ушел. Через минуту зашумела вода в душе, и Лера осталась посреди гостиной с бокалом в руке. На журнальном столике лежал ее телефон. На экране по-прежнему было открыто банковское приложение с адресом поезд-

ки. Она посмотрела на него еще раз, а потом резко смахнула. В конце концов, Максим же ответил, что это - по работе. И если верить собственному профессиональному принципу, ей следовало принять ответ, а не заниматься толкованием чужих слов. Только так не всегда работает. Иногда значение слов скрывается не в том, что именно человек сказал, а в том, чего почему-то не договорил.

Глава четвертая

Утром в среду Максим вышел из спальни в новой рубашке. Лера тут же заметила это, хотя ничего особенного в обновке, если смотреть беспристрастно, не было. Белая и отлично сидит, из плотного хлопка, который не превращался в мятую тряпку уже через полчаса после выхода из дома. Воротник чуть жестче, чем у тех, что Максим обычно покупал себе для работы.

Просто Лера слишком хорошо знала его гардероб. Она пятнадцать лет прожила рядом с человеком, который мог в деталях помнить бюджет проекта на несколько миллиардов, но совершенно искренне не подозревал, сколько у него рубашек и куда исчезают носки после стирки.

- Новая? - спросила она.

Максим, стоявший перед зеркалом в прихожей и пытавшийся одной рукой застегнуть часы, посмотрел на собственное отражение так, будто только сейчас обнаружил, что вообще одет.

- Что?

- Рубашка.

- А. Да. – Макс брызнул на волосы парфюмом.

- Сам купил?

Он усмехнулся.

- Ты так говоришь, Лер, будто это выше моих способно-

стей.

- Я просто удивляюсь твоей самостоятельности.

- Заказал с доставкой. Представляешь, сейчас и такое возможно.

- И даже с размер угадал? – не унималась женщина.

- Лер. – с укоризной сказал Макс и подхватил сумку с документами.

- Молчу.

Она сидела за кухонным столом с чашкой кофе, наблюдая в дверной проем, как он проводит ладонью по волосам, разглядывая свое отражение в зеркало. Волосы тоже были уложены чуть аккуратнее обычного. Это казалось настолько незначительным, что Лера почти рассердилась на себя за само наблюдение. Какая разница, как муж уложил волосы? В сорок лет мужчина имеет право купить рубашку, да хоть две! И даже без письменного разрешения супруги.

- Сегодня поздно? - спросила она, чтобы отвлечься, но этим вопросом только больше посеяла в себе раздражение. Смотрела теперь на мужа напряженно и ждала, что тот скажет. Максим на секунду замер. Секундное замешательство нельзя было назвать какой-то определенной реакцией, но кто хочет увидеть даже микро изменение в поведении, обязательно увидит. И Лера заметила тоже это нервное движение рук, поправляющих без надобности воротник новой рубашки.

- Скорее всего.

- Опять на объект поедешь?

- Сначала переговоры.

- Важные?

- Очень.

Он вернулся на кухню, подошел, забрал с ее тарелки кусочек сыра и отправил в рот.

- Эй.

- В брачном договоре не прописано разделение сыра.

- У нас нет брачного договора.

- Вот, и хорошо. - Максим наклонился и поцеловал ее в губы коротким, привычным и совершенно настоящим поцелуем.

Внутри что-то дрогнуло, затрепыхалось, тут же заставив ее почувствовать себя еще глупее. Снова рядом был родной муж, с которым она засыпала в одной постели больше пятнадцати лет, а не неизвестный мужчина, прячущий телефон и спешащий на таинственные вечерние встречи.

Она успела быстро обнять его за шею, но Максим уже выпрямился.

- Мне пора.

- Конечно.

Он подхватил портфель и направился к выходу. Лера встала проводить. У самой двери она вдруг спросила:

- А постричься ты когда успел?

Максим остановился и провел ладонью по затылку.

- Вчера.

- Вчера?

- Между встречами в барбершоп у офиса заскочил.

Лера приподняла брови.

- Ты?

- Что «я»?

- Во вторник?

- А что не так со вторником?

- Ничего. Просто ты пятнадцать лет стрижешься у Сергея возле дома по субботам.

Максим несколько секунд смотрел на нее, потом рассмеялся.

- Господи, как ты все это помнишь?

- Я вообще много чего помню. – Лере захотелось надуть губы. Честно говоря, она держалась из последних сил.

- Мне пора начинать тебя бояться.

- Правильно. – только и смогла ответить она. Разговор зашел в тупик.

Он снова подошел, коснулся пальцами ее щеки.

- У меня важные переговоры, Лер. Надо выглядеть, как человек, которому можно доверить деньги.

- А обычно тебе нельзя доверять?

- Обычно я выгляжу так, как будто спустился в люльке со стройплощадки.

- Значительная разница.

- Огромная.

Он улыбнулся и ушел из квартиры. Лера осталась стоять

в прихожей. За дверью щелкнул замок. А потом в квартире снова стало тихо.

Новая рубашка. Стрижка в незнакомом месте. Важные переговоры.

Она медленно выдохнула и вдруг сказала вслух

- Прекрати.

Собственный голос в пустой квартире прозвучал глупо, но ей жизненно важно было сейчас поговорить хоть с кем-то. Говорить самой с собой оказалось даже приятно. По крайней мере, собеседник не смотрел в момент важного разговора в телефон.

***

В одиннадцать у Леры был урок. Тринадцатилетний Миша должен был за лето совершить невозможное - перестать путать Past Simple и Present Perfect. Его мать сформулировала задачу именно так, словно речь шла не о грамматике, а о медицинской операции, после которой сын гарантированно начинал говорить по-английски. Миша смотрел на Леру с экрана с выражением глубокой покорности судьбе.

- Have you ever been to London? - прочитал он.

- Хорошо. Почему здесь Present Perfect?

- Потому что Лондон далеко.

Лера задумалась.

- Интересная теория.

- Ну там же не сказано, когда.

- Вот, это уже лучше.

Они занимались почти час. В обычный день после урока Лера сделала бы себе чай, вышла прогуляться или включила музыку. В конце концов, написала бы подружкам.

Сегодня она почему-то осталась сидеть перед ноутбуком. Открыла почту, ответила на два письма, проверила расписание на следующую неделю. Потом совершенно бессмысленно, на автомате открыла мессенджер. Максим был в сети десять минут назад. Лера закрыла приложение и открыла сайт супермаркета с доставкой продуктов. А потом снова закрыла. В итоге, поднялась и пошла разбирать белье. Это было уже почти смешно. Еще пару дней - и она начнет мыть люстры.

Телефон, оставленный на столе, коротко звякнул. Лера вернулась и разблокировала смартфон. Это было уведомление от банка. Она машинально зашла в банковскую программу и непонимающе уставилась на экран. «Перевод: 250 000 #.»

Сумма была достаточно крупной, чтобы не иметь значения. Лера нахмурилась. Они не согласовывали каждую покупку, конечно, в этом давно не было необходимости. У каждого были свои счета, был общий семейный, с которого оплачивались крупные расходы, путешествия, кружки Саши, страховки и прочее. Но четверть миллиона - не кофе и не новая рубашка. Лера нажала на операцию. Получатель: ИП Воронцова А.А. Вдруг показалось, чт о воздух выкачали из легких, а внутри на сердце опускается маленькая тяжелая

гирька.

Воронцова. Алина.

Лера несколько секунд просто смотрела на экран. Мозг немедленно предложил десяток объяснений - юридические услуги, работа, документы. Компания, в которой трудился Максим, а могла оплачивать что угодно. Только почему с их общего счета? Лера проверила еще раз. Да, именно с общего.

Она набрала мужа. Ответил он не сразу.

- Лер, привет. Что-то случилось?

На фоне шумели голоса.

- Нет. Ты можешь говорить?

- Минуту, сейчас выйду. Я на встрече.

Лера поджала губы.

- Тогда перезвоню.

- Нет, говори.

Она помолчала. Не хотелось обсуждать семейные деньги, пока возле Максима стоят посторонние.

- У нас списалось двести пятьдесят тысяч.

Максим на том конце замолчал, будто обдумывал, что сказать. Лера это почувствовала, хотя не видела его лица.

- Да, - сказал он наконец.

- Ты переводил?

- Я.

- Кому?

Пауза.

- Это по одному делу.

- Максим.

- Лер, давай вечером?

- Я просто спросила, кому ты перевел четверть миллиона?

Он выдохнул.

- Воронцовой.

Лера закрыла глаза. Глупо. Она и так это знала. Но почему-то услышать имя получателя от мужа оказалось неприятнее, чем прочитать просто буквы в банковском приложении.

- Алине?

- Да.

- За что?

Пауза стала длиннее.

- Я тебе объясню.

- Когда?

- Скоро.

- Очень интересно.

- Лер...

- Максим, это наши деньги.

- Я знаю.

- Тогда почему я узнаю о переводе из уведомления из банка?

В его голосе впервые появилось раздражение. Не злость, а скорее усталость человека, которого застали врасплох посреди сложного дня вопросом, требующим отдельного разговора.

- Потому что я собирался тебе сказать после.

- После чего?

- Когда буду уверен.

На том конце кто-то позвал:

- Максим Сергеевич!

Он прикрыл трубку, ответил кому-то и снова вернулся к ней:

- Лер, мне сейчас правда неудобно.

Слова были совершенно нормальными. Обстоятельства тоже. Но именно это безобидное «мне неудобно» почему-то задело сильнее всего.

- Хорошо.

- Не сердись.

- Я не сержусь.

- Слышу.

Она невольно улыбнулась. Пятнадцать лет все-таки не вычеркнешь одним банковским переводом.

- Тогда объясни.

- Объясню, просто немного позже.

- Почему позже?

Максим замолчал.

- Потому что пока рано.

Лера медленно выпрямилась.

- Рано?

- Да.

- Для чего?

- Господи, Лер...

- Нет, правда, я пытаюсь понять.

Он снова вздохнул.

- Доверься мне, ладно?

Наверное, это хорошая фраза. Правильная. После пятнадцати лет брака просьба о доверии выглядела странно. Лера вдруг подумала, что люди чаще всего просят доверять им именно тогда, когда им есть, что скрывать.

- Ладно.

- Вечером поговорим.

- Конечно.

Они попрощались. Лера положила телефон на стол и еще несколько секунд просто стояла рядом. Потом взяла трубку в руки снова, открыла банковское приложение.

ИП Воронцова А.А.

Очень хорошо. Неизвестная женщина из смс постепенно обрастала деталями. Сначала имя. Потом фамилия. Теперь четверть миллиона. Оставалось получить фотографию и адрес. Лера резко заблокировала экран и небрежно бросила аппарат на комод.

- Совсем с ума сошла... – поставила она себе диагноз.

В пустой квартире никто ей не ответил, не возразил, не успокоил. А ей очень этого хотелось.

Глава пятая

После обеда Лера вышла из дома. У нее не было четкой цели куда-то идти, просто оставаться в квартире стало невозможно.

Июльская Москва дышала раскаленным асфальтом, нагретым металлом от машин и неожиданно цветущими липами. Люди двигались медленнее обычного, прячась в ажурных островках тени от деревьев.

Лера купила холодный кофе. Бесцельно породила по бульвару, где в середине дня не было даже заядлых собачников. Зашла в книжный магазин на углу у метро. Почти сорок минут выбирала роман, который в итоге поставила обратно на полку.

Она пыталась убедить себя, что ее тревога вызвана вовсе не Алиной и деньгами, которые ушли под странным объяснением «потом объясню» на счёт чужой женщины. Это было неприятно, но не критично. Ее не тревожили сами деньги - вдруг осознала Лера, а беспокоило то, что Максим потратил крупную сумму, не предупредив ее. Любая жена обиделась бы. Или нет? Лере казалось, что ее реакция совершенно нормальна. В голове то и дело всплывали его слова: «Доверься мне». Но, если нечего скрывать, почему не сказать прямо? Сотня объяснений его поведению, которая занимала мысли Леры уже который день, растворилась бы моментально, если

бы он потратил всего минуту и развеял все ее сомнения. Но Максим выбрал отмахнуться словом «потом».

Лера сама не заметила, как дошла до парка, села на свободную скамейку и достала телефон. Пальцы словно сами собой нажали на иконку поисковика и вбили в поисковой строке запрос: *Алина Воронцова юрист Москва*.

Прежде, чем нажать на лупу, она на мгновение замерла. А что будет, если она найдет информацию про эту Алину? Это же никак не докажет, есть ли между Воронцовой и Максом связь. А если там будет фото? А если она сильно моложе ее, Леры?

Господи, о чем она думает? Это уже было не смешно, это было унизительно. Лера представила себя со стороны: тридцатисемилетняя самодостаточная, как ей казалось, женщина сидит посреди парка и ищет в интернете предполагаемую любовницу мужа, имея в качестве улик сообщение про встречу и банковский перевод на юридический адрес ИП. Классика бульварных романов. А что будет дальше? Она купит темные очки и начнет ездить за Максимом на такси?

Она уже собиралась закрыть поисковик, но палец дрогнул и результаты запроса прогрузились. Первой оказалась страница профессиональной сети.

Воронцова Алина Александровна. Семейное право. Корпоративное право. Сопровождение бизнеса.

Фотография была маленькой. Лера увеличила ее и рассмотрела предполагаемую соперницу. Женщина оказалась

красивой. Было бы гораздо приятнее обнаружить пожилую даму с кандибобером на голове по имени Алина, но Вселенная решила ей не помогать, отвлекаясь в этот момент на чье-то другое желание.

Алина, действительно, была хороша собой. Светлые волосы до плеч, тонкие черты лица, на котором сияла уверенная улыбка. Наверное, лет тридцать пять, ну, точно не больше. И ничего вызывающего или пошлого, за что можно было бы хотя бы зацепиться. Просто ухоженная привлекательная женщина.

Лера машинально провела большим пальцем по своей щеке. Сегодня она не красилась. Вышла в джинсовых шортах и старой льняной рубашке, собрав волосы резинкой в пучок. И тут же разозлилась. На кого? На Алину, которая даже не подозревала о ее существовании? На себя? На Максима?

Она закрыла браузер.

- Прекрасно, - пробормотала Лера, хотя ничего прекрасного во всей этой дерьмовой ситуации не было.

Пожилая женщина на соседней скамейке покосилась на нее. Лера улыбнулась ей дежурно и убрала телефон. Всё. Хватит. Она не собирается превращаться в женщину, сравнивающую себя с фотографиями незнакомок. Вечером Максим все объяснит, и ей будет стыдно даже вспоминать об этом позоре.

Максим вернулся около девяти. Не слишком поздно, что уже радовало. А еще он был с цветами. Лера открыла дверь и несколько секунд смотрела на букет белых хризантем в его руке.

- Это что?

- Цветы.

- Я вижу.

- Это - хороший знак: зрение в норме. – пошутил он, но Лера не отреагировала на шутку.

- По какому поводу?

Максим протянул букет.

- Без повода нельзя?

Можно. Конечно, можно. Когда-то он часто приносил цветы просто так. Потом это стало происходить все реже. Лера объясняла себе все бытовухой, в которую они погрузились с годами. Он, конечно, не перестал ее любить, просто за пятнадцать лет жизнь стала совсем другой. Работа и заботы сделали свое дело.

Лера все смотрела на букет. Давно не приносил без повода, а сегодня, вот, принес. Именно в тот день, когда случился перевод четверти миллиона Алине. Когда-то Лера слышала, что, если мужик накосячил в известном смысле, он будет невероятно нежен и заботлив к законной жене, так как подсознательно чувствует вину. Это уже оно? Или она опять надумывает?

- Наверное, можно, - неуверенно сказала Лера и наконец

приняла букет.

Хризантемы пахли прохладой и зеленью. Максим разулся и прошел на кухню, расстегивая на ходу манжеты той самой новой рубашки.

- Я голодный, как волк. Есть что-нибудь на ужин?

- Есть. - Лера вошла следом и поставила цветы в вазу.

Максим явно был в хорошем настроении. Хоть и уставший, но внутренне какой-то оживленный. А таким она не видела его давно.

- Переговоры удачные? – предположила Лера, выбрасывая упаковку из-под цветов.

Максим посмотрел на нее, и улыбка его стала шире.

- Вроде того.

Опять это – «вроде того».

- Ты сегодня удивительно загадочный.

- Есть немного. – туманно пояснил муж, заглядывая в холодильник.

Лера прислонилась к столешнице. Она начала закипать. Не проясненное, тревожное заполнило ее душу.

- Максим.

- М?

- Мы же собирались поговорить.

Он замер, потом медленно закрыл холодильник, но к ней так и не повернулся - медлил.

- Про деньги. – напомнила Лера.

- Да. – наконец, повернул голову Макс.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Лера была почти уверена: сейчас он все расскажет. Рассмеется, объяснит, поведает какую-нибудь совершенно скучную историю про документы, подрядчиков или договор. А потом она будет чувствовать себя последней идиоткой, вспоминая, как рассматривала фотографию красавицы Алины в парке. Миссис Марпл московского разлива.

Максим подошел ближе.

- Давай не сегодня.

- Почему?

- Мне нужно пару дней.

- На что?

Он протянул руку, будто собираясь обнять ее, но Лера не сделала жеста к нему навстречу. Зачем ему это время? Подготовиться к уходу? Подстраховаться? Подготовить документы?

Максим это заметил.

- Лер, ничего такого не происходит.

- А мне об этом знать нельзя?

- Можно.

- Но потом?

- Да.

Она едко рассмеялась.

- Замечательно.

- Лер, не злись. – Макс потянул ее за руку.

- Я не сержусь.

- Опять врешь.

- Хорошо. Сержусь.

- За что?

Лера уже открыла рот. И вдруг представила, как говорит о том, что нашла информацию об Алине в интернете. Нет, это было слишком унизительно.

- Потому что ты ведешь себя странно.

Он все-таки обнял ее. Лера сначала не ответила, стояла неподвижно, но знакомое тепло его тела, рука на ее спине, подбородок, коснувшийся волос, делали сопротивление почти нелепым. Она уткнулась носом ему в рубашку, ту, что он купил сам.

- Я тебя люблю, - сказал он дежурно, будто сообщал самую очевидную вещь на свете, видимо, желая, чтобы скандала все-таки не случилось.

В его признании давно не было страсти, нежности или страха быть отвергнутым, как бывает, когда в любви признаешься впервые. Именно так звучит «я тебя люблю» сказанное в миллионный раз за пятнадцать лет.

Лера закрыла глаза. Хотелось разреветься.

- Я тебя тоже.

Это было правдой. Именно поэтому все происходящее пугало ее так сильно. Если бы она не любила, было бы гораздо проще, по крайней мере, не так больно.

Максим поцеловал ее в макушку и отпустил.

- Я поем?

- Конечно.

Он стал накладывать ужин на тарелку. Лера взяла телефон, чтобы убрать со стола, и почему-то вспомнила об Алине Воронцовой, как она искала информацию об этой девушке днем в парке. Внутри все похолодело, даже затошнило как будто. Как же надоели эти эмоциональные качели, в которые она сама себя загнала! Или… у нее все-таки были основания?

Максим стоял спиной и ничего не видел. Лера поспешно сунула телефон в карман. Никогда в жизни она еще не чувствовала себя настолько глупо и нелепо. Муж только что сказал, что любит ее, подарил цветы, обнимал. Но почему ей хотелось придраться? Это – интуиция или у Леры уже едет крыша?

Максим взял тарелку и сел за стол. Привычно склонился над тарелкой, чуть опустив одно плечо ниже другого. Он жевал и думал о чем-то своем. Лера наблюдала за ним, подперев руками подбородок, видела знакомые жесты мужа, которые могла предугадать с закрытыми глазами, и решила больше не думать об Алине. Иначе это может закончиться нервным срывом.

Обещание не подозревать мужа в измене улетучилось ровно в тот момент, когда Лера встала и пошла к кофемашине, чтобы сварить Максу кофе. Она ждала, пока аппарат приготовит американо, а Максим, сидя за столом, снова достал телефон. В этот момент экран загорелся и он украдкой прочи-

тал сообщение. Улыбнулся едва заметно, думая, что Лера не видит, и быстро ответил.

- Кто? - спросила Лера прежде, чем успела остановить саму себя.

Максим поднял голову.

- Что?

- Кто пишет?

Его палец замер над экраном всего на мгновение. А потом он со скучным видом сказал, равнодушно отодвинув смартфон от себя, не забывая при этом перевернуть его экраном вниз:

- Так, по работе.

Лера ничего не сказала. Только посмотрела на белые хризантемы, стоявшие в вазе на столе. Такие красивые, свежесрезанные. Но теперь они казались ей не подарком, а извинением за то, чего она еще не знала.

Глава шестая

В четверг утром цветы стали выглядеть еще лучше, чем накануне, когда максим их принес домой. За ночь хризантемы окончательно расправились, напились воды и теперь стояли на кухонном столе пышным белым облаком, в котором утреннее солнце застревало, дробясь на сотни теплых бликов.

Лера остановилась возле них, красивых, с чашкой в руке и с любовью посмотрела на букет. Наверное, она вчера зря. Нельзя превращать обычный букет от мужа в улику только потому, что в твоей голове уже завелась другая женщина и принялась хозяйничать там без приглашения.

Лера коснулась пальцем прохладного белого лепестка. Когда-то Максим дарил ей цветы постоянно. В первые годы - почти каждую неделю. Это были не огромные букеты, которыми принято демонстрировать широту чувств и множество нуле на банковском счете, а три тюльпана, купленные возле метро, или ромашки с рынка, или одну нелепо длинную розу, которую он однажды тащил через полгорода в переполненном автобусе и в итоге сломал, входя в подъезд.

Лера тогда поставила обломанную розу в стакан.

- Я тебе новую куплю, - заявил расстроенный Максим прямо с порога.

- Зачем? – рассмеялась она.

- Эта сломалась.

- Не сломалась, а просто стала компактнее.

Им было по двадцать с небольшим. Саша тогда еще не родилась. Денег было так мало, что поход в кафе приходилось согласовывать с семейным бюджетом на месяц, а неожиданная поломка стиральной машины воспринималась как стихийное бедствие регионального масштаба. И все равно Лера помнила, чтобы они никогда не чувствовали себя бедными. Наверное, молодость вообще обладает удивительной способностью превращать недостаток денег в приключение, съемную однокомнатную квартиру - в пространство вариантов, а ужин, состоящий из макарон и сосисок автоматически становится романтическим, если за столом сидит тот самый человек.

Потом родилась Саша. Максим стал много работать. И требовалось их теперь все больше. С годами деньги постепенно перестали быть проблемой, квартира стала просторнее, машина - дороже, отдых – в других странах. А цветы начали появляться лишь по праздникам. Лера никогда на это не обижалась, по крайней мере, ей так казалось.

Она сделала глоток кофе и посмотрела на часы. Половина девятого, а

Максим уже давно уехал. Сегодня без записки и кофе - торопился настолько, что, одновременно застегивал рубашку, искал ключи, разговаривал по телефону и едва не вышел

из квартиры без портфеля.

- Вечером будешь? - успела спросить проснувшаяся Лера, выглянув в прихожую.

Максим, уже стоявший одной ногой за порогом, посмотрел на нее.

- Постараюсь.

Не обещал и не отказал. Удобное слово, похожее на приоткрытую дверь: вроде бы и не захлопнул перед человеком, но войти всё равно нельзя.

Лера поставила чашку в раковину. До субботы, до того самого дня, оставалось два дня. Она открыла календарь на телефоне.

18 июля.

Ставить напоминание на это число ей не требовалось.

В субботу будет пятнадцать лет их браку. Их годовщина свадьбы. Маленький юбилей, если вдуматься.

В прошлом году они никак особенно не отмечали. Максим, как обычно, вернулся поздно, Саша заказала им огромную пиццу в форме сердца и заявила, что это ее вклад в сохранение института семьи. Потом они втроем смотрели старую советскую комедию, и Лера заснула у Максима на плече.

В этом году ей хотелось иначе. Дочь далеко, на дворе лето. Можно было уехать хотя бы на день. Она еще неделю назад присмотрела маленький загородный отель на берегу водохранилища - деревянные домики, сосны, терраса над во-

дой. Но так и не забронировала. Все ждала подходящего момента, чтобы спросить Максима. А подходящий момент в их доме в последнее время напоминал редкую птицу: все знали, что она существует, но увидеть никому не удавалось.

Лера открыла сайт отеля. Остался один свободный номер. Она несколько секунд смотрела на кнопку «Забронировать». Можно ведь, сделать сюрприз. Почему бы и нет? В конце концов, не все сюрпризы в этой семье должен устраивать Максим. Палец уже почти коснулся экрана, когда Лера остановилась. А вдруг он будет работать?

Она набрала мужу «*У тебя какие планы на субботу?*» и нажала кнопку «отправить».

Ответа не было. Лера положила телефон. Через десять минут проверила. Ничего. Через двадцать - тоже.

В одиннадцать начался урок, и на сорок пять минут она благополучно забыла и про годовщину, и про загородный отель, и даже про Алину. После занятия телефон мигал новым сообщением.

Лера разблокировала экран и прочла. Оказалось, что Макс ответил.

"В субботу мне надо будет уехать. Почти на весь день."

Перечитала несколько раз. Он, что, забыл? Пятнадцать лет назад 18 июля было так же жарко, как и теперь. Лера помнила это совершенно отчетливо.

ЗАГС, липнущая к спине ткань платья, Максим, вспотевший в костюме и страшно недовольный галстуком. Саша по-

явится только через год, а пока они были вдвоем и абсолютно уверены, что никогда не станут похожи на те супружеские пары, которые забывают годовщины.

Молодые вообще многое знают о будущем. Особенно о том, каким оно у них никогда не будет.

Лера медленно набрала новое сообщение:

«*Надолго*?»

Максим ответил почти сразу:

«*Думаю, до вечера. А что?*»

Вот это его «а что?» кольнуло в сердце хуже всего. Она смотрела на слова, чувствуя, как внутри что-то медленно падает в бездну.

Он забыл. Он не предложил перенести из-за того, что занят. Он не написал: «Прости, знаю, что у нас годовщина, но я должен уехать». Он просто забыл.

Лера закрыла сайт отеля и ответила мужу сообщением, в конце которого поставила улыбающийся смайлик: «*Ничего. Просто спросила*».

Солнце продолжало светить. Кофе оставался вкусным. В магазине возле дома продавались абрикосы, пахнувшие летом. Курьер привез заказанные Саше кроссовки. Жизнь не обязана менять освещение только потому, что одному человеку стало немного больно.

Лера даже пообедала. Потом поставила стирку и поболтала с мамой. Проверила работы учеников.

Только внутри нее поселилось какое-то тихое, холодное раздражение, похожее на камешек в обуви: вроде идти можно, но каждый шаг напоминает о его существовании.

К четырем она не выдержала и позвонила подруге.

- Ты занята?

- Это зависит от того, что тебе нужно, - отозвалась Ольга. - Если помочь спрятать труп, то не могу, извини, подруга, у меня маникюр в шесть. Если просто поговорить - свободна.

Лера рассмеялась.

- Просто поговорить.

- Тогда давай.

- Максим забыл про годовщину.

- Убиваем Максима?

- Оль.

- Что? Пятнадцать лет. За такое положена казнь с пытками.

Лера подошла к окну. Почему-то хотелось оправдать Макса.

- Не знаю, может, и не забыл.

- Тогда в чем проблема?

Лера помолчала. Рассказывать про Алину не хотелось. Про двести пятьдесят тысяч - тоже. Стоило произнести это вслух, как набор отдельных странностей превращался в цельную картину. А Лера пока не была готова дать ей название.

- Просто в субботу он уезжает на весь день.

- Спросила - куда?

- Нет.

- Почему?

Хороший вопрос.

- Не знаю.

- Лер, у тебя есть удивительная способность пятнадцать минут объяснять мне, почему официант неправильно произнес название французского десерта, и при этом ты не можешь спросить собственного мужа, куда он собрался в годовщину свадьбы.

- Я не хочу напоминать.

- Почему?

- Потому что, если он помнит, напоминание не нужно. А если забыл...

Лера замолчала. Ольга вздохнула.

- ...то ты хочешь уличить его в том, что он забыл о вашей круглой дате.

- Наверное.

- Это какая-то семейная версия эксперимента с котом Шрёдингера.

- Не начинай.

- Пока не спросила, Максим одновременно помнит годовщину и не помнит ее. По крайней мере, в твоей голове.

- Спасибо.

- Всегда пожалуйста.

Лера улыбнулась, но легче не стало.

- Может, у него, правда, работа.
- Может.
- У него сейчас сложный период.
- Тогда тем более.
- И вообще, пятнадцать лет - не пятьдесят.
- Лера.
- Что?
- Ты сейчас меня убеждаешь или себя?

Она закрыла глаза.

- Себя.
- Тогда не буду тебе мешать. В любом случае, можешь звонить в любое время.

Лера грустно улыбнулась.

Они поговорили еще немного, уже о Саше, Ольгином отпуске и старинной общей знакомой, внезапно вышедшей замуж в третий раз и потому ставшей для подруг источником неиссякаемого интереса. После этого разговора Лера как будто ненадолго почувствовала себя спокойнее.

***

Вечером Максим пришел раньше обычного. Он бросил ключи в прихожей, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и с порога спросил:

- Есть что-нибудь холодное? На улице дикая жара.
- Вода.
- Идеально.
- В холодильнике.

Максим вошел на кухню, открыл бутылку и выпил почти половину, стоя возле холодильника.

- Жара сумасшедшая. – повторил он, убирая воду обратно в холодильник.

- Лето же.

- Я заметил. - он выглядел измученным.

Под глазами легли тени, волосы растрепались, на рукаве была какая-то серая пыль.

В этот момент Лере снова стало стыдно за подозрения, за свои обиды, за то, что несколько часов подряд она мысленно обвиняла этого уставшего человека в забытой годовщине, пока он, вероятно, носился по стройке под тридцатиградусной жарой.

- Ужинать будешь?

- Через пять минут. Сначала в душ.

Он мимоходом поцеловал ее в щеку и ушел, оставив телефон на кухонном столе. Лера отметила это. Просто забыл или не прячет? Усилием воли она отвернулась к плите. И почти сразу за спиной раздалась короткая трель. Так обычно ему приходили сообщения. Лера принципиально не повела и бровью. Сняла крышку с кастрюли и перемешала соус.

Телефон мигнул снова. Она продолжала смотреть в кастрюлю. «Чужая переписка - это граница – твердила она себе в этот момент. - даже между супругами. Особенно между супругами».

На третьем сообщении Лера не выдержала и повернула

голову. Это было всего лишь уведомление, высветившееся поверх экранной заставки.

Максу писала Алина: «*Все готово, чтобы уйти. Осталось только твое окончательное решение. После этого дороги назад не будет, и с прошлым будет покончено*».

Глава седьмая

Максу писала Алина: «*Все готово, чтобы уйти. Осталось только твое окончательное решение. После этого дороги назад уже не будет, и с прошлым будет покончено*».

Ложка в руке Леры замерла в воздухе. Где-то в ванной шумела вода. На плите в кастрюльке тихо булькал соус. За окном буднично текла жизнь – тихо проехала машина, на детской площадке смеялись дети, весь мир продолжал существовать, не замечая, что несколько строк на светящемся прямоугольнике телефонного экрана только что разделил жизнь одной конкретной женщины на «до» и «после».

Лера не прикоснулась к телефону. Даже не подошла. Да и зачем? Она итак все прекрасно видела со своего места. Ее хватило лишь на то, чтобы стоять и переваривать увиденное: «чтобы уйти», «окончательное решение», «дороги назад не будет».

Экран со всплывшим на нем сообщением погас, пряча в темноту преступную смс и отражая светильник на потолке.

В ванной выключилась вода, послышался шорох полотенца – видимо, Макс вытирался. Лера поняла, что ей даже не обязательно видеть, как он это делает. За столько лет, она помнила все его движения до единого. Как он мог, черт возьми!

Лера резко отвернулась к плите, покрепче вцепившись в

ложку. Руки ее мелко дрожали. Чтобы не выдать себя, женщина положила ложку на блюдце и глубоко вдохнула. Ведь, он объяснит? Все объяснит, наверняка! Алина – юрист, а юристы постоянно готовят какие-то документы, те же договора, организовывают сделки. Да, но разве в таких случаях говорят о том, что «дороги назад не будет»? И зачем тогда Максим перевел ей двести пятьдесят тысяч? Почему он ездил в жилой район? Почему просил подождать? Почему купил новую рубашку? Почему вдруг принес Лере цветы без повода, хотя уже несколько лет так не делал? Почему в субботу, в день пятнадцатилетия их брака, ему нужно куда-то уехать? Одни бесконечные «почему».

Мозг кипел. Сердце билось в панике, убеждая хозяйку, что Лере прямо сейчас нужно схватить телефон и сунуть под нос Максу, припереть его к стенке правдой. Но Лера себя остановила. В отчаянии закрыла глаза. Каждый факт по отдельности был невинен, но вместе они вдруг начали складываться, как кусочки пазла, изображение на котором Лера не готова была увидеть.

Наверное, надо просто сначала спокойно поговорить. Она же взрослый человек и не позволит эмоциям взять верх?

Максим вышел из ванной через несколько минут, переодетый в домашнюю футболку и шорты. Волосы еще блестели от влаги – ее муж никогда не сушил их феном.

- Пахнет потрясающе. – прокомментировал он происходящее на кухне.

«Скандалом» - подумала Лера, но вслух ничего не сказала. Даже не обернулась, продолжая помешивать соус.

- Сейчас будет готово.

Макс взял телефон в руки и, судя по всему, читал смс. Лера поняла то по тишине, которая вдруг повисла на их кухне. Не оборачиваясь, женщина услышала быстрые движения пальцев по сенсорному экрану.

Лера все-таки не удержалась и медленно повернулась к мужу.

- Максим.

- М? – муж все еще смотрел в экран, вчитываясь в то, что было на нем написано.

- Ты счастлив? – неожиданно даже для самой себя спросила Лера, вперившись взглядом в родного мужа.

Пальцы Макса замерли на поверхности телефона. Он поднял голову.

- Что?

- Ты счастлив? – повторила свой вопрос Лера.

Макс удивленно усмехнулся.

- Это риторический вопрос или ты хочешь об этом поговорить?

- Со мной. – добавила Лера. – Ты счастлив со мной?

Улыбка, только что игравшая на губах, исчезла. Максим положил телефон на стол.

- Лер, что происходит?

- Я спросила, ответь же!

Он странно посмотрел. Как будто что-то хотел сказать, но все никак не решался. И Лера вдруг испугалась по-настоящему. Где-то под ребрами почувствовала холодок, и колени внезапно ослабли.

Пока вопрос не задан, существует тысяча вариантов, но стоит услышать честный ответ - и останешься с ним один на один.

- Конечно, - сказал Максим.

- Конечно, что?

- Конечно, я счастлив с тобой, что за странные вопросы! – Лере показалось, что он внезапно стал раздраженным.

- Правда?

- Лер...

Телефон зазвонил и на экране появилось имя. Это была не Алина. Лера почему-то испытала почти облегчение. Максим сбросил.

- Потом перезвоню. – ответил он. – Давай ужинать.

Это было настолько непривычно, что Лера подняла глаза. В них плескалось недоверие, смешанное с удивлением.

- Не надо. Если это по работе, то ответь.

- Я могу перезвонить.

- Максим, ответь. – настаивала Лера.

Телефон зазвонил снова. Несколько секунд он колебался, а потом все-таки взял трубку.

- Да.

Лера отвернулась разочарованно, на глаза сами собой на-

вернулись слезы. Сначала Максим отвечал коротко, потом нахмурился и отошел к окну.

- Нет, подожди. Кто это согласовал? Нет, так нельзя делать. Я же вчера сказал на собрании!

Лера выключила плиту и переставила кастрюльку на холодную конфорку. Она ясно поняла, что их разговор закончился. Это было связано не с тем, что Максим не хотел говорить и даже не с тем, что она вдруг передумала. Просто в их жизнь снова вошла работа и заняла всё пространство, вытеснив ее вопрос куда-то в угол. Как делала это последние годы. Максим вышел из кухни, продолжая разговаривать.

Лера накрыла на стол. Поставила привычными движениями на столешницу две тарелки, два бокала, положила у каждой тарелки по прибору.

Через пятнадцать минут он все еще говорил. Через двадцать пять - тоже. Лера села одна. Есть не хотелось. Она посмотрела на белые хризантемы. Вчера они казались извинением. Сегодня - почти прощанием.

***

Максим закончил разговор через сорок минут. Вернулся на кухню злой, даже волосы взъерошены. Об этой его черте она тоже знала – когда он злился, но не мог ничего сделать, то трогал волосы.

- Я когда-нибудь их всех убью. – сказал он и опустился на стул.

Лера сидела у окна с чашкой остывшего чая и смотрела,

как на горизонте догорал закат. Ужин остыл.

- Прости, - сказал он. – Почему вокруг одни идиоты?

- Бывает.

- Ты поела? – спросил Макс.

- Нет. – безразлично ответила Лера, не отрывая взгляда от книги. Если сейчас посмотрит на него, заплачет.

- Почему? – никак не понимал Макс.

Она просто пожала плечами. Лучше без слов, иначе тоже сорвется и скандал все же случится. Максим посмотрел на стол и вдруг засуетился, словно чувствуя свою вину.

- Сейчас разогрею.

- Не надо. – остановила его.

- Лер...

- Я не голодная, слышишь.

Он подошел ближе.

- Мы о чем-то говорили…

Лера наконец подняла на него глаза. Удивительно, что он вообще вспомнил.

- Уже неважно.

- Ты спросила, счастлив ли я.

- Да.

- Я ответил.

- Ответил. – кивнула она.

- Тогда что не так?

Вот сейчас можно спросить: кто такая Алина? Хотя, она уже спрашивала об этом. Этот вопрос не имел смысла. Не

спрашивала только про решение, которое он должен принять и после которого обратной дороги не будет. Простой вопрос, и в то же время невероятно сложный.

Лера вдохнула.

- Максим...

- Да?

- Ты...

Она замолчала, собираясь с мыслями. Спросить или нет? Он ждал и, похоже, начинал злиться.

- Ты будешь есть? – выпалила Лера, не в силах себя побороть.

На родном лице появилось недоумение.

- Нет. – коротко бросил Макс и встал со стула.

- Тогда я уберу.

- Ага, - сказал муж и снова полез в телефон. Пока выходил из кухни, полистал контакты в поисках нужного. В трубке гулким эхом раздались длинные гудки.

Лера поднялась со своего места и машинально убрала нетронутую посуду со стола. Трусиха. Она все знала, все понимала и всё равно не смогла озвучить, потому что иногда человек не задает вопрос вовсе не из страха услышать ложь. Гораздо страшнее бывает услышать правду.

Глава восьмая

Перед сном Максим долго работал в гостиной. Лера лежала в темноте, прислушиваясь к тихому стуку клавиш.

В одиннадцать сорок он наконец пришел. Осторожно лег рядом, стараясь ее не разбудить. Лера не шевельнулась. Матрас прогнулся под его весом. Через несколько секунд теплая ладонь легла ей на талию. Привычно. Во сне или почти во сне Максим всегда искал ее рукой. Пятнадцать лет. Даже после ссор. Даже когда они отворачивались друг от друга. Даже когда Саша маленькой прибегала ночью и устраивалась между ними поперек кровати, каким-то чудом занимая собой площадь взрослого человека.

Лера смотрела в темноту. Ей хотелось повернуться, прижаться и спросить, как на духу – что происходит? Но она лежала неподвижно. Через некоторое время дыхание Максима стало ровным, он уснул.

Лера осторожно взяла телефон с тумбочки и открыла календарь.

Суббота, 18 июля - их годовщина.

Под датой стояло созданное ею еще в прошлом году повторяющееся напоминание:

«15 лет ♥»

Лера долго смотрела на маленькое красное сердце, потом открыла переписку с Максимом. Пальцы зависли над клави-

атурой. Может, если она не может спросить прямо, то написать? Нет, это бред какой-то. Экран погас, и Лера отложила телефон.

За окном шумел ночной город - большой, бессонный, наполненный миллионами чужих жизней, в каждой из которых кто-то любил, врал, ждал, ошибался, уходил и возвращался.

Максим во сне придвинулся ближе. Его рука автоматически крепче обняла ее за талию. Лера закрыла глаза. Когда-то ей казалось, что близость измеряется расстоянием между людьми. Теперь она впервые поняла, насколько сильно ошибалась. Иногда между двумя телами не остается и сантиметра, а между двумя людьми помещается целая жизнь.

***

Утро пятницы ознаменовалось тем, что Максим сжег яичницу. Сам по себе этот факт не заслуживал бы места в семейной хронике Соколовых, если бы не одно обстоятельство: Максим вообще не готовил яичницу.

В студенческие годы, когда они только начали жить вместе и кулинарные способности обоих ограничивались главным образом умением прочитать инструкцию на упаковке пельменей, он вполне успешно обеспечивал им завтрак. Потом родилась Саша, быт постепенно оброс привычками, словно старое дерево мхом, и приготовление еды каким-то совершенно естественным, никем официально не утвержденным образом оказалось преимущественно на Лере.

Максим в их семье отвечал за кофе, за мясо на мангале

и за торжественное открывание банок, крышки которых Лера предварительно ослабляла сама, но великодушно позволяла мужу считать победу своей. Поэтому, проснувшись от отчетливого запаха гари и лежа несколько секунд с закрытыми глазами, Лера решила, что - либо горит квартира, либо ее семейная жизнь окончательно перешла в какое-то новое, пока не изученное состояние.

Она накинула халат и вышла на кухню. Максим стоял возле плиты, держа сковороду одной рукой, а телефон - другой.

- Нет, слушай, в таком виде я это не подпишу, - говорил он, одновременно пытаясь лопаткой отделить от сковороды нечто черное и хрустящее. - Меня не интересует, что они уже согласовали, пусть переделывают.

Лера остановилась в дверях.

- Пожарных вызывать?

Максим обернулся.

- Доброе утро.

- Судя по запаху, доброе оно не для всех.

Он посмотрел на сковороду.

- Черт.

В трубке что-то сказали.

- Не тебе, - бросил Максим и тут же добавил уже Лере: - И не тебе тоже.

- Очень содержательно. – закатила Лера глаза и направилась к окну.

Она открыла створку, и на кухню хлынул прохладный

утренний воздух, подхватив занавеску и вздув ее белым парусом. После вчерашней жары ночь принесла недолгое облегчение, и теперь город за окном казался умытым, свежим, почти беззащитным перед новым днем.

Максим закончил разговор, бросил телефон на стол и задумчиво посмотрел на результат своих кулинарных опытов.

- По-моему, что-то можно спасти.

- Что?

- Яичницу.

Лера подошла ближе.

- Нет, но сковородку, возможно, еще удастся.

Он рассмеялся, и этот смех оказался настолько обычным, настолько их, что вчерашнее сообщение Алины на несколько мгновений потеряло остроту, отступив куда-то туда, где прятались все неприятные мысли, которые человек откладывает на потом в надежде, что они рассосутся сами.

Максим выбросил яичницу в помойку.

- Я хотел сделать тебе завтрак.

Лера подняла брови.

- В шесть сорок утра?

- Уже семь десять.

Она посмотрела на часы.

- Безумец.

- У меня сегодня ранняя встреча.

Конечно, обиженно подумала Лера, у него всегда была встреча - ранняя, поздняя, срочная, перенесенная, внезап-

ная, важная, очень важная и такая, на которой почему-то совершенно необходимо было присутствие Максима Соколова лично. Иногда Лере казалось, что, если однажды мир действительно начнет рушиться, кто-нибудь обязательно позвонит ее мужу и попросит приехать на объект. И Максим спросит: «Сколько времени у меня есть, чтобы доехать?»

- Садись, - сказала она. - Я что-нибудь приготовлю.

- Я сам. – попытался настоять на своем Макс.

- Ты сделал все, что мог.

- Это - случайность.

- Четыре яйца не разделяют твоего оптимизма.

Он посмотрел на нее с притворным укором, но послушно сел. Лера достала из холодильника творог.

- Нет.

- Что «нет»?

- Только не творог.

- Почему?

- Я - взрослый мужчина. Мне нужна нормальная еда.

- Если бы не супер важный звонок, у тебя была бы нормальная еда.

- Она почила.

- Поэтому сегодня траурный творог.

Максим застонал. Лера впервые за последние несколько дней рассмеялась легко, не думая о том, как выглядит со стороны и не пытаясь найти второе значение в каждом сказанном им слове.

Наверное, именно такие моменты и сбивали ее с толку больше всего. Если бы Максим вдруг стал холодным, раздражительным, чужим, было бы проще. Если бы перестал прикасаться во сне, шутить, перестал замечать. Если бы действовал так, как описывали в дурацких романах про измены. Но он оставался Максимом - тем самым мужчиной, который ворчал на необходимость есть творог, оставлял ей утром кофе, приносил любимые пирожные, обнимал во сне и при этом прятал от нее какую-то огромную часть собственной жизни. Это было похоже на то, как будто их брак был старым домом, в котором все комнаты по-прежнему стояли на месте, мебель оставалась знакомой, из кухни пахло кофе - только однажды хозяйка обнаружила в стене дверь, которой прежде не замечала. И понятия не имела, что находится за ней.

- Саше сегодня звонила? - спросил Максим.

- Ты с ума сошел, семь утра. Еще нет.

- Позвони.

- Что-то случилось?

Он покачал головой.

- Нет, просто давно не разговаривали все вместе.

Лера намазала мягкий творог на хлеб и вдруг посмотрела на него внимательнее.

- Ты ей недавно писал и деньги переводил.

- А. Да. – растерянно протянул муж.

- Зачем ей пять тысяч?

- Пусть будут. - Максим пожал плечами.

- Она в шоке.

- Иногда я умею производить впечатление на женщин.

Что-то внутри, в душе Леры неприятно дернулось. Максим этого не заметил. Он взял бутерброд, откусил и тут же скривился:

- Это обязательно есть?

- Это полезно.

- Кошмар, я так и понял.

Лера отвернулась к кофеварке.

- Ты еще спрашивал, нравится ли ей у родителей.

- Ну да.

- Почему?

Теперь он посмотрел на нее удивленно.

- Лер, что за допрос?

- Никакого допроса, мне интересно.

- Просто спросил, нельзя?

- Ты раньше не спрашивал.

- Значит, исправляюсь. - он виновато улыбнулся.

Лера неожиданно подумала: или готовишься к чему-то. Мысль была мерзкой настолько, что ей захотелось отмахнуться от нее физически. Готовится к чему? К разводу? Заранее выстраивает отношения с дочерью? Проверяет, хорошо ли ей у бабушки и дедушки, чтобы понимать, где Саша сможет пожить, если...

- Лер?

Она вздрогнула.

- Что?

- Ты опять витаешь где-то.

- Задумалась.

- О чем?

Она посмотрела на него. Захотелось закричать - о тебе, дурак! И о женщине, которой ты перевел четверть миллиона. О сообщении «дороги назад не будет» и о том, что завтра нашему браку пятнадцать лет, а ты собираешься провести этот день неизвестно где.

- Ни о чем.

Максим вздохнул.

- Это становится заразным.

- Что?

- Твое «ничего».

Он встал, раздраженно допил кофе прямо стоя и поставил чашку в мойку. До ее плеча он не дотронулся, не поцеловал.

Лера отметила и это. Теперь она отмечала всё, и от этого становилась противной самой себе. После ухода Максима квартира снова сомкнулась вокруг нее тишиной. До субботы оставалось меньше суток.

Лера машинально открыла сайт того самого отеля. Номер уже забронировали. Она смотрела на надпись: «Нет свободных мест» и испытывала странную смесь разочарования и облегчения. Всё. Решать больше не надо. Не надо предлагать Максиму поездку, не надо выяснять, забыл он или нет, не надо изображать легкость: «Слушай, а давай куда-нибудь

съездим?»

Когда хочется спросить совсем другое: «Ты действительно собираешься оставить меня?»

Она захлопнула ноутбук и вдруг расплакалась.

Глава девятая

В одиннадцать утра позвонила Саша, причем сама. Это случалось достаточно редко, поэтому Лера, итак в последние дни все время встревоженная, немедленно насторожилась.

- Что случилось? – спросила она вместо приветствия.

- Почему сразу случилось? – удивилась дочь.

- Потому что обычно ты не звонишь сама.

- Мам!

- Я тебя слушаю. – Лера, градус тревожности у которой уже немного снизился, вновь смогла соображать нормально.

- Мне нужны деньги, мам. – неожиданно выдала Сашка.

- А папины пять тысяч? – возмущенно спросила Лера.

На другом конце возникло оскорбленное молчание.

- Мне еще нужно.

- Зачем?

- Те, что папа перевел, на карманные расходы.

- Что ты говоришь, а еще тебе на что?

- На джинсы.

- Саш, у тебя есть джинсы.

- Мама, - вымученно произнесла дочь, - те джинсы прошлогодние.

- Ты серьезно, Саш? – начала злиться Лера.

Дочь лишь фыркнула в ответ. Несколько минут они торговались, как опытные представители двух государств, каж-

дый из которых твердо намеревался сохранить национальные интересы. Саша требовала четыре тысячи, Лера предлагала две с половиной и фотографию джинсов, в итоге сошлись на трех при условии сохранения чека и отсутствия дыр на коленях.

- Они такие и есть.

- Тогда две.

- Мам!

- Я просто не понимаю, почему я должна платить больше за то, что производитель не дошил штаны.

- Всё, я сама добавлю.

- Из папиных пяти тысяч?

- Да.

Лера победно улыбнулась.

- А папа тебе еще не звонил?

- Вчера.

- О чем говорили?

- Ни о чем.

- Очень содержательно.

- Он спросил, когда я вернусь.

Сердце Леры словно на мгновение споткнулось.

- И что ты ответила?

- В конце августа, как обычно к школе. Странный вопрос, не находишь? Сначала отправляют на все лето, а потом спрашивают, когда я решила вернуться. – обиженно выдала дочь. – Мам, вы странные.

- Кто? – не поняла Лера.

- Вы с папой.

- Почему это?

- Не знаю.

Саша замолчала, явно пытаясь подобрать слова, а Лера вдруг пожалела, что вообще спросила о Максе.

- Он спрашивает, когда я вернусь. Ты спрашиваешь, о чем мы разговаривали. Вы чего там поссорились?

- Ничего подобного.

- Вот! Вы оба говорите «ничего».

Лера невольно рассмеялась. Дочь была права. Семья Соколовых постепенно превращалась в общество тайных агентов, причем уровень конспирации оставлял желать лучшего.

- Всё нормально, Саш.

- Точно?

- Точно.

Ложь получилась мягкой, удобной, так обычно врут все взрослые, когда желают прикрывают детей от собственных проблем, не замечая, что дети выросли достаточно, чтобы видеть всю нелепость такого прикрытия.

- Ладно, - неуверенно ответила Саша. - Только вы там не...

Она замолчала.

- Что?

- Ничего. Я пошла, бабушка зовет.

- Конечно.

Они попрощались. Лера еще некоторое время сидела, дер-

жа телефон у груди. Максим спрашивал дочь, когда она вернется. Это могло не значить абсолютно ничего. Именно в этом заключалась главная проблема последних дней. Абсолютно все факты по отдельности могли ничего не значить. Но количество этого «ничего» уже начинало пугать, ибо напоминало снежный ком.

Около трех по полудню Лера решила съездить в магазин. Ей не нужны были продукты – холодильник ломился, просто нужно было выйти из квартиры. Она долго ходила между рядами большого супермаркета, складывая в тележку предметы совершенно разной степени необходимости: средство для мытья стекол, абрикосы, которым пришел наконец сезон, зачем-то новые кухонные полотенца, пачку с листами для приготовления лазаньи, хотя Максим терпеть ее не мог, и три свечи с запахом ванили. Возле отдела бытовой химии Лера остановилась, глядя на содержимое тележки. Так, вероятно, и начинаются нервные срывы. Сначала ты подозреваешь мужа в измене, потом покупаешь четыре вида губок. Кассир посмотрела на свечи.

- По акции нужна еще одна, чтобы получилось бесплатно.

- Нет, спасибо.

Лера представила себя субботним вечером в день их годовщины в одиночестве среди четырех ванильных свечей и почувствовала, что это уже слишком.

На обратной дороге она попала в пробку. Телефон лежал в подстаканнике. Неожиданно позвонил Максим. Лера вклю-

чила громкую связь на приборной панели и по салону разлетелся родной голос.

- Да?

- Ты где?

- Еду домой.

- Далеко еще?

- Минут двадцать, а что?

- Ничего.

- Прекрати уже все говорить мне «ничего».

Муж засмеялся.

- Хорошо. Я тоже скоро буду.

- Что-то рано сегодня. – с подозрением отметила Лера. Чертово подозрение! Ей бы радоваться, что он освободился, а она придирается.

- Тебя не устраивает?

- Наоборот. – попыталась исправить ситуацию Лера.

- Тогда увидимся дома.

Она уже собиралась отключиться, но вдруг что-то заставило ее произнести.

- Макс. Завтра... - слова застряли в горле.

- Что завтра?

Впереди загорелся зеленый, машины наконец тронулись. Позади кто-то тут же стал сигналить, словно водителю позарез нужно было проскочить на разрешающий сигнал светофора именно сейчас.

- Потом, - сказала Лера.

- Хорошо. – ответил муж и она представила, как он пожал плечами.

Нажала отбой и почти рассмеялась. «Потом» - теперь и она заболела этой удивительно заразительной болезнью.

Максим приехал домой около семи, Лера как раз разбирала покупки.

- Зачем нам три средства для стекол? - спросил он, заглянув в пакет.

- Там разные функции.

- У стекла? – поморщился муж.

- Не лезь. – отрезала Лера.

- Понял. - Макс поднял руки и отступил. - У тебя был тяжелый день?

- Очень. – огрызнулась она.

- Надеюсь, никто не пострадал? – попытался пошутить Макс, но, увидев выражение лица Леры, передумал.

- Пока никто. – она сделала акцент на слове «пока».

- Это обнадеживает.

Максим выглядел непривычно расслабленным, хотя телефон все равно лежал рядом, словно без него этот мужчина уже не мог нормально функционировать. Лера выложила помытые абрикосы в вазу.

- Ты ужинать будешь?

- Буду, но позже, мне надо кое-что закончить.

- Конечно. – выдохнула Лера.

Она даже не пыталась скрыть интонацию. Жутко тянуло

поругаться. Максим посмотрел настороженно.

- Опять, Лер?

- Что опять? – женщина воинственно посмотрела на мужа.

- Ты злишься.

- Нет.

- Лера. – Максим покачал головой.

- Хорошо, да, ты прав.

- На что?

- На всё.

Это оказалось неожиданно честно. Максим медленно положил телефон.

- Давай поговорим.

Вот он – тот самый момент, которого она хотела и страшилась одновременно последнюю неделю. Лера вытерла руки полотенцем.

- Давай.

Они стояли по разные стороны кухонного стола, а между ними – ваза с абрикосами. Все было привычно - светлые фасады кухни, белые хризантемы, начавшие пока еще незаметно увядать. Всё до смешного нормально.

- Я понимаю, что последние дни веду себя... - Максим помедлил. - Странно.

Лера невесело усмехнулась.

- Приятно, что это заметно не только мне.

- Потерпи еще немного.

- Ты уже говорил.

- Знаю.

- И сколько именно?

- До завтра.

У нее внутри все замерло.

- До завтра?

- Да.

- А что будет завтра?

Максим посмотрел на нее. На лице его появилось то выражение, которое Лера за пятнадцать лет научилась узнавать мгновенно: он хотел что-то сказать и сознательно не говорил. Вопрос только, почему?

- Я объясню позже.

- После того как уедешь?

- Лер...

Телефон Макса зазвонил, и они оба одновременно посмотрели на экран. На этот раз Максим взял его сразу, так быстро, что Лера не успела понять, кто звонит.

- Извини, это важно. - он вышел из кухни. - Да, слушаю.

Лера продолжила разбирать покупки, делая это с преувеличенной аккуратностью. Паста отправилась в шкаф. Чистящие средства - под раковину. Она не хотела слушать разговор Максима, но в квартире было слишком тихо, и голос мужа звучал слишком отчетливо.

- Нет, я понимаю... Нет, Алин, только не сегодня.

Лера замерла, держа в руках пачку салфеток. Осторожно вышла из кухни, почти крадучись дошла до спальни. Максим

стоял к ней спиной.

- Я скажу завтра, слышишь.

Лера не заметила, как сжала пачку бумажных салфеток, изрядно помяв ее.

- Да, я решился.

Глава десятая

Сердце ухнуло вниз, ударилось о ребра, отдаваясь ударом где-то в горле.

- Нет. Обратно уже нет дорогие.

Лера медленно положила пачку помятых салфеток на стол. Максим ничего не замечал.

- Алин, я ей пока ничего не говорил. Я скажу, скажу.

Лера замерла. «Ей» – это Лере? Ну, а кому еще? По пальцам рук потекла предательская слабость, так, что она вцепилась в столешницу. Но мир не рухнул, хотя Лера всегда представляла, что самые страшные моменты жизни должны сопровождаться чем-нибудь заметным, как это обычно бывает в кино – соответствующая озвучка, гром и молния, внезапно погасший свет. Но все осталось таким же, как прежде. Продолжал мерно гудеть холодильник, с улицы доносились голоса, где-то за стеной сверлили очередную дыру, а в вазе лежали только что вымытые абрикосы.

- Завтра всё закончим, - сказал Максим. – Да, пока.

Он отключился. Несколько секунд не возвращался в кухню, а потом появился на пороге. Лера успела взять со стола нож и принялась зачем-то срезать бирку с кухонного полотенца.

- Слушай, - сказал Максим, - я...

- Ты хочешь уйти? – спросила Лера, не глядя мужу в гла-

за. Вертела в руках кухонное полотенце, и, кажется, только сейчас заметила, что оно было белым, с маленькими синими полосками по краю. Она не смогла посмотреть в этот момент на Макса, ведь, если поднять глаза, возможно, станет слишком страшно от правды.

- Что? - переспросил Максим.

- Ты хочешь уйти. – словно через слой ваты подтвердила сама себе Лера.

Ответом ей была тишина. Лера все-таки посмотрела на супруга и увидела на его лице настоящую, слишком очевидную растерянность.

- Откуда ты... – только и успел сказать Макс.

Этого хватило. Внутри, словно что-то оборвалось, будто натянутая несколько дней струна наконец-то лопнула. Никакой боли сначала не было, только странная пустота. Лера даже удивилась тому, насколько спокойно она произнесла:

- Ничего.

- Лера, подожди.

- Забудь.

- Что значит «забудь»?

- Именно это и значит. - она аккуратно сложила полотенце пополам.

Вот сейчас можно было сказать все – про Алину, про случайно мелькнувшие сообщения, про деньги и адрес, на который Макс ездил. Все его фразу про то, что он решился, Лере ничего не скажет и дороги назад не будет. Но именно

в этот момент Лера вдруг поняла, что не хочет ничего говорить. Она ничего не боялась сейчас, просто ей стало унизительно просить у другого человека объяснений того, что итак казалось уже слишком очевидным.

Максим подошел к ней.

- Ты сам всё скажешь, - произнесла она и отступила на шаг. - Когда решишь.

- Я уже решил.

Слова легли точно в те ячейки пазла, которые собирала Лера последнюю неделю.

- Тогда тем более. - она бросила треклятое полотенце на столешницу и ушла из кухни.

- Лера! – в спину окрикнул ее Макс.

Лера лишь рукой махнула:

- Я устала.

- Мы вроде бы разговариваем.

Она обернулась.

- Нет, Максим, мы уже несколько лет не разговариваем, ты просто еще этого не заметил.

Он смотрел на нее не понимающим взглядом. На секунду Лере захотелось вернуться, прижаться к нему, сказать, что она просто боится спросить прямо, но потом она вспомнила, что ей пока не полагалось знать.

- Мне надо побыть одной. – зло ответила она и ушла из кухни.

- Хорошо. – ответил Макс после паузы, и именно это до-

било окончательно.

Муж не пошел следом, не схватил за руку и не сказал, что она ошибается. Хорошо – вот и весь ответ. Лера вошла в спальню и закрыла дверь.

Они не ужинали вместе. Лера слышала, что Максим несколько раз проходил по коридору, один раз остановился возле спальни, но не вошел. Лера сидела у окна с книгой, которую не читала. Строчки расплывались перед глазами, превращаясь в бессмысленные черные нити. В десять вечера Максим постучал.

- Можно?

- Да, это же и твоя спальня. – сухо ответила Лера, а в голове добавила – «пока».

Он вошел.

- Ты будешь есть? – спросил какую-то глупость.

- Нет.

- Лер...

- Я, правда, не хочу сейчас разговаривать.

Он сжал губы.

- Ладно.

Снова эти жалкие слова – ладно, хорошо, потом. Сколько удобных способов существует, чтобы ничего не говорить. Максим ушел из спальни и почти час Лера слышала, как в гостиной стучат по клавиатуре его пальцы. Через час он лег рядом. Не обнял, впервые за много лет. Впервые между ними оставалось почти полметра пустой постели. Смешное рас-

стояние, которое можно преодолеть одним движением руки, но иногда полметра превращаются в пропасть значительно быстрее, чем сотни километров.

Максим долго не спал. Лера слышала это по дыханию. Он ворочался, один раз повернулся к ней, но она тут же закрыла глаза, притворяясь спящей. Через какое-то время он отвернулся, а Лера лежала в темноте и понимала, что больше не хочет ждать.

Пятнадцать лет назад она ждала, пока Максим накопит на свадьбу. Потом, пока закончится его испытательный срок в компании. Ждала, пока Сашка начнет нормально спать по ночам, пока они выплатят ипотеку за квартиру, пока он получит повышение, сдаст очередной проект. Ждала, пока станет полегче, пока появится время. И вся их жизнь, оглянувшись на которую сейчас, вдруг показалась Лере длинным коридором со множеством дверей, на которых были прибиты одинаковые таблички: ПОТОМ.

Лера тихо поднялась с постели. Максим не шевелился, все-таки уснув. Лера вышла на кухню, выпила воды, потихоньку пробралась в гостиную, открыв ящик комода, в котором лежали документы. Достала оттуда свой паспорт. Вдруг она вспомнила о старой даче, на которой никто ее не станет искать. Лера порылась в ящике и нашла-таки от нее ключи.

Дача принадлежала еще бабушке. После ее смерти дом перешел Лере, но последние годы они туда почти не приезжали. Далеко – более ста километров от Москвы, добираться

неудобно. Водопровод там был только летний, интернет, по выражению Саши, «ловил только на яблоне и исключительно из жалости», а Максу для работы нужно было постоянно быть на связи. Да и Сашка ворчала, комары и одна палочка в мобильной связи ее не прельщали.

Дача показалась Лере идеальным местом. Женщина закрыла ящик и в одной сорочке прокралась в кладовку. На верхней полке стояла старая спортивная сумка, с которой она когда-то ходила в спортзал. Рядом неожиданно обнаружились резиновые сапоги. Лера посмотрела на них с недоумением.

- Господи, - прошептала женщина. - Я действительно собираюсь сбежать от мужа в резиновых сапогах.

Ситуация, до этого казавшаяся невыносимо драматичной, на мгновение приобрела оттенок дешевой комедии. Ей тридцать семь лет, высшее образование, огромный опыт в преподавании английского языка и семейный стаж в пятнадцать лет. И вот итог: ночью она пакует в сумку белье, резиновые боты и средство от комаров. Лера вдруг тихо рассмеялась. Смех оказался странным - близким к истерике, потом она все-таки заплакала, без красивых рыданий и картинного прижимания ладони ко рту. Просто несколько горячих слезинок скатились по щекам. Лера вытерла их ладонью. Решено, так решено и нечего лить слезы. И продолжила складывать вещи в сумку.

…

Утром Максим проснулся в семь двадцать. Сначала он ничего не понял. Просто повернулся на бок, протянул руку. Там было пусто.

В квартире стояла подозрительно оглушающая тишина. На кухне не играла тихонько колонка, из ванной не доносился шум падающей воды из душа.

Соколов сел.

- Лер?

Ответом ему стала тишина. Он поднялся и в одних боксерах прошлепал на кухню, но ни там, ни в гостиной никого не было. Максим даже в Сашкину комнату заглянул, хоть и понимал, что в дочкиной комнате Лера будет прятаться в последнюю очередь.

Максим вернулся в спальню, чтобы взять телефон и набрать жену, и только тогда заметил, что на кресле нет Лериных джинсов, а с тумбочки исчезла зарядка для телефона, которая вечно там валялась в ожидании работы и своим свисающим белым проводом бесила Макса.

- Лера? - позвал он снова и сам ужаснулся, как глупо это выглядело. Взрослый дядька, а как будто мамочку потерял. Может, она просто с утра в торговый центр уехала? Хм, в 7 утра? Максим взял телефон и набрал ее номер. Робот на том конце провода металлическим безжизненным голосом сообщил, что абонент временно недоступен.

Максим нахмурился.

Подумал немного и позвонил снова, но в трубке было то

же самое. Дико захотелось кофе.

Макс во второй раз за это утро пришел на кухню. И только теперь, проходя мимо холодильника, увидел лист бумаги на обеденном столе. Рядом стояла его любимая чашка. И белые хризантемы, уронившие за ночь несколько лепестков.

Максим взял записку и вгляделся в слова. Почерк Леры был ровным, по-настоящему учительским.

«*Не волнуйся. Со мной всё хорошо. Я просто решила хотя бы один раз не ждать, а принять решения самостоятельно. Ты хотел другой жизни. Получай. На развод подам сама*».

Максим прочитал, но ничего не понял. Потом прочитал еще и еще раз. На третьем чтении смысл текста остался прежним и это не просто пугало, это приводило в странное отупение. Он медленно опустился на стул и посмотрел на пустую кухню, на записку в собственных руках, на мирно тикающие часы на стене.

И произнес в абсолютной утренней тишине лишь одну фразу:

- Какой еще, к черту, развод?

Ответа, разумеется, не последовало. Зато телефон в его руке тут же ожил и на экране высветилось имя: Алина Воронцова. Максим посмотрел на контакт и почему-то сбросил звонок.

Взгляд снова упал на последнюю строчку Лериной записки. «На развод подам сама».

Он не знал, где сейчас находится его законная пока еще

жена. Не понимал, почему она решила, что он хочет другой жизни, и совершенно не представлял, в какой именно момент в последние несколько дней всё настолько стремительно полетело под откос. Но одну вещь Максим Соколов понял совершенно отчетливо - Лера действительно ушла первой.

Глава одиннадцатая

К девяти утра Лера успела проехать почти сто километров от Москвы по скоростной автомагистрали, выпить отвратительный кофе на сетевой заправке и трижды передумала разводиться. Ее качало на эмоциональных качелях, разгоняя от «немедленно остановиться и зайти на Госуслуги, чтобы подать на развод» до «а может, я все не так поняла». Голова пухла от мыслей, глаза были красные от слез, но она все ехала и ехала, изводя себя размышлениями.

В конце концов, она просто устала. Эмоции, еще в четыре утра казавшиеся острыми, как клинок, к утру притупились, оставив после себя тяжелую, вязкую пустоту. Хотелось не думать, не анализировать, не раскладывать по полочкам последние дни, выискивая в них то доказательства измены Максима, то признаки собственного помешательства.

Хотелось просто ехать, куда глаза глядят. Дорога тянулась вперед серой лентой, местами блестевшей после короткого ночного дождика. По обочинам стеной стояли густые, зеленые лесополосы, за ними периодически открывался вид на овраги и поля, нагретые солнцем и уже начавшие желтеть по краям. Чем дальше Лера уезжала от города, тем шире становилось небо, словно Москва, оставшись позади, постепенно отпустила ее из своих бетонных джунглей.

Телефон она выключила еще во дворе их ЖК. Это был

не случайный порыв, а вполне спокойное, взвешенное решение. Если, конечно, ее состояние ранним утром, когда спал весь дом, можно было назвать спокойным. Перед тем, как выключить мобильник она написала смс матери и соврала, что отдает телефон в ремонт на выходные. Так и не решилась сказать, что с Максом проблемы, и решила объясняться с родителями позже.

Лера прибавила музыку в динамике. Заиграла какая-то старая песня, под которую они с Максимом когда-то ехали в Крым - еще до Саши, в старенькой «девятке» без кондиционера, с картой на коленях и абсолютной уверенностью, что навигатор создан для слабаков. Лера тут же потянулась к магнитоле и выключила приемник. Нет уж, музыкальное сопровождение их когда-то счастливого пятнадцатилетнего брака подождет. Сегодня она не будет травить себе душу.

На следующей заправке Лера остановилась и купила в магазинчике при станции воду, хлеб, сыр, колбасу, две банки тушенки, печенье, спички, батарейки и очередное средство от комаров, будто именно они, а не маячивший на горизонте развод было сегодня главной угрозой. Проходя мимо стойки со всякой мелочевкой, заметила карманные фонарики и зачем-то сунула его в корзину. У кассы туда же полетел шоколад - большая, чуть не в двести граммов плитка, а за ним еще одна. Если на пороге сорокалетия собираешься переживать крах семейной жизни на заброшенной даче, можно забить на подсчет углеводов.

- Пакет нужен? - спросила кассирша, скептически осмотрев содержимое корзины.

- Два.

- Больших?

Лера посмотрела на гору покупок.

- Можно и три.

Кассирша пробила. За спиной недовольно вздохнул мужчина с одной бутылкой минералки. Лера вдруг подумала, что наверняка выглядит как человек, готовящийся пережить апокалипсис. В некотором смысле так и было. Только конец света у нее оказался локальным – крах в отношениях одной отдельно взятой семьи.

…

Дача встретила ее немым укором и заросшей травой по пояс калиткой.

Лера остановила машину возле перекошенного деревянного забора и несколько минут просто сидела, положив руки на руль. Она не была здесь четыре года. Может быть, пять, не могла вспомнить, сколько точно.

Глядя на запущенный участок, Лера вдруг подумала, что время обращается со старыми дачами примерно так же, как с людьми. Сначала оно меняло лишь мелочи, почти незаметные глазу, а потом вдруг резко оказывалось, что все на участке стало ниже, темнее, старше, а знакомый когда-то силуэт приобрел усталую сутулость.

Дом стоял в глубине участка, почти спрятавшись за раз-

росшимися яблонями. Когда-то белые рамы посерели. Краска на ставнях давно облупилась и теперь слетала шелухой. Крыша над крыльцом чуть просела и покосилась на один бок. Зато сирень возле забора разрослась так, словно по какому-то безумному плану решила за время отсутствия хозяев захватить весь участок, провозгласить независимость и установить собственную форму правления.

Лера вышла из машины. Тишина здесь была не как в городе, в квартире, которая прежде казалась ей слишком гнетущей без Сашки и Максима. Здесь тишина была иной. В ней стрекотали кузнечики, лениво гудели пчелы, шелестели листья. Где-то далеко лаяла чужая собака, а совсем рядом невидимая птица монотонно выводила три одинаковые ноты, словно тренируясь перед концертом, на который никто зрителей не приглашал.

Лера вдохнула. Здесь, в СНТ, о котором она забыла на несколько лет и вспоминала, только когда случайно видела связку ключей в углу ящика комода, пахло летом - скошенной травой, сырым жирным чернозёмом, рассохшимся деревом. И совсем немного пахло детством.

Воспоминания нахлынули неожиданно. В них бабушка в старом фартуке обрывала хвостики у клубники, вылавливая ее из эмалированного жёлтого таза. А ещё всплыл в памяти умывальник возле крыльца и то, как она, лет двенадцати, чуть младше Сашки босиком несется по дорожке на встречу с подружками с соседней улицы.

Потом появилась новая картинка - двадцатидвухлетняя Лера, только закончившая иняз и Максим. Они тогда впервые приехали сюда вдвоем тайком осенью, когда бабушка уже перебралась на зимовку в квартиру, чтобы хоть где-то уединиться. Тогда это казалось невероятно увлекательным путешествием, которое обещало много чего почти запретного. Макс тогда починил калитку, потому что она вечно заедала, и бабушка ругалась на Лериного отца, которому вечно было некогда заняться ею. Женщина посмотрела на нее теперешнюю - калитка висела на одной петле и вызывала лишь жалость. Невольно подумалось, что она – совсем, как Лера сейчас.

- Хорошая работа, Соколов, - пробормотала Лера с горечью. - Пятнадцать лет продержалась.

Почти как их брак. Эту мысль, внезапно вызвавшую горечь во рту, она сочла слишком патетичной и немедленно запретила себе развивать.

Калитка открылась довольно легко, достаточно было поддеть щеколду с одной стороны, чтобы железка поддалась, поднялась вверх и открылась.

Лера достала из сумки ключи и пошла к дому по такой же заросшей тропинке. Она стала подбирать нужный ключ, ибо не помнила, хоть убей, какой именно подойдёт. На третьей попытке ключ повернулся, но замок не открылся.

- Ну, конечно. - раздражение накатило волной.

Лера дернула дверь, но ничего не произошло. Еще

несколько раз, но замок остался верен собственным убеждениям. Лера уперлась ногой в нижнюю ступеньку, потянула сильнее и почувствовала, как ключ подозрительно прогнулся.

- Даже не думай. - взмолилась она.

Ключ, видимо, был предметом независимым и чужих приказов не признавал. Он хрустнул, и в женской руке осталось лишь половина. Лера медленно посмотрела на металлический обломок, потом смерила взглядом дверь.

- Просто потрясающе!

Если Вселенная пыталась намекнуть, что ей следует вернуться домой, намеки получаются слишком прямолинейными. Лера обошла дом. Окна, естественно, были заколочены. Женщина осмотрела все, что находилось поблизости.

Возле сарая нашлась старая металлическая лопатка, происхождением которой Лера предпочла не интересоваться. Через десять минут, вспотев, оцарапав ладонь и успев выучить несколько новых ругательств исключительно благодаря творческому подходу к русскому языку в сложных жизненных условиях, Лера все-таки отодвинула металлический брусок замка через щель между дверью и косяком. Дверь распахнулась так внезапно, что она едва не упала. Из дома пахнуло сыростью, пылью и чем-то еще – неописуемым, то ли старостью, то ли просто затхлым. Лера застыла. Чем-то живым? Нет, скорее тем, что когда-то было живым.

- Нет, - предупредила она пространство. - Только не это.

Пространство ответило молчанием. Лера шагнула за порог. Глаза постепенно привыкли к полумраку, царившему внутри. Она достала телефон по привычке, но вспомнила, что он выключен, и нашла в сумке купленный на заправке фонарик. Как же кстати! Луч скользнул по стенам, выхватывая давно забытые предметы - старый шкаф, стол и запыленные цветастые занавески. На полу возле печки Лера разглядела что-то маленькое и серое.

- Господи.

К счастью, это была мышь, которая оказалась дохлой. Или все-таки к сожалению? Подумалось, что живая она, возможно, могла бы уйти сама. Лера несколько секунд смотрела на останки живности, затем закрыла дверь и вышла на крыльцо.

И что делать? Ночевать на улице, потому что боишься мыши? Она постояла несколько минут, но выбора не было – пришлось вернуться.

В тридцать семь лет она считала себя вполне взрослой, самостоятельной женщиной, которая ответственно платит налоги, относительно успешно справляется с пубертатным периодом подростка, которая даже колесо в машине может поменять в одиночку. Ей, конечно, никогда не приходилось этого делать, колесами в их семье заведовал Максим, но в теории Лера знала, как обойтись с колесом. Однако наличие дохлой мыши в комнате моментально возвращало ее примерно в возраст восьми лет. Лера достала из машины резиновые перчатки, пакет для мусора и нашла в углу за печкой

совок.

- Прости, - сказала она мыши несмотря на то, что это выглядело очень глупо. - Ничего личного.

Операция заняла минуту. Отходила Лера от нее не менее десяти.

…

К полудню ставни были открыты настежь, паутина снята веником, а мышь торжественно вынесена на совке за пределы участка. Лера вытерла стол, пропылесосила старенькой «Ракетой» по углам и возрадовалась, что электричество все-таки есть. Это стало первой хорошей новостью. Вторая заключалась в том, что холодильник тоже включился. Третья новость оказалась сильно хуже: лучше бы он этого не делал. Открыв дверцу, Лера отшатнулась.

- Нет.

Запах, существовавший внутри, обладал почти материальной плотностью несмотря на то, что полки были пусты и даже некогда вымыты. Просто от времени внутренность холодильника затухла.

- Саша была права, - сказала Лера. – Здесь, действительно, можно снимать пост апокалипсис.

Холодильник пришлось мыть, потом проветривать и мыть еще раз с уксусом. К часу дня Лера чувствовала себя так, словно не сбежала от мужа в маленький домик в глуши, а устроилась работать в клининговую компанию, которая отмывала квартиры после вечеринок бомжей. Зато мыслей о

Максиме почти не осталось. Очень сложно одновременно переживать семейную драму и сражаться с плесенью в ящике для овощей. В этом смысле бытовые проблемы обладали прекрасным терапевтическим эффектом.

Лера вынесла последние пакеты мусора, поставила руки на пояс и осмотрела участок.

Теперь следовало заняться водой, потому что умыться хотелось отчаянно. Колодец находился возле дальней яблони на самом краю участка. Крышка оказалась тяжелой, но все-таки поддалась хозяйке. Лера заглянула вниз. Там было темно и глубоко. Где-то внизу плескалась вода. Старое ведро, что стояло рядом, проржавело почти насквозь. Лера долго смотрела на него, никак не решаясь набирать живительную влагу почти решетом.

В голове она перебрала покупки. Нового ведра среди всякой всячины, купленной на заправке, не было. Конечно, выдохнула женщина в отчаянии, она купила три вида печенья и средство от комаров, но ведро человеку, убегающему в дом без водопровода, купить в голову почему-то не пришло.

- Очень грамотное планирование. – выругалась Лера.

Делать было нечего. Она спустила в прохладное нутро колодца старое ведерко. Набрала, но подняла на поверхность примерно треть воды. Остальная жидкость щедро, как из лейки распределилось по земле.

- Отлично.

Лера торжественно почти бегом понесла его к дому. Через

пять шагов ручка оторвалась. Ведро с грохотом упало, и вода осталась на траве лужицей. Лера, озверев, осталась стоять с металлической дужкой в руке. Несколько секунд молчала. Потом закрыла глаза, чтобы не разреветься.

- Надеюсь, этот урок выживания тоже зачем-то мне нужен.

Кузнечики продолжали стрекотать, птица без умолку повторяла три ноты, ветер шелестел листвой.

Лера села на перевернутый ящик и вдруг рассмеялась. Если бы кто-нибудь сказал ей вчера, что собственную пятнадцатую годовщину свадьбы она встретит одна, на заброшенной даче, с ручкой от ведра в руке и дохлой мышью в недавнем прошлом, Лера предложила бы человеку меньше смотреть сериалов. Однако жизнь, как выяснилось, иногда обладала куда более странным чувством юмора, чем сценаристы. Она вытерла ладонью глаза, мокрые то ли от слез, то ли от смеха. В этот момент она сама не была уверена, почему именно плачет.

Глава двенадцатая

Максим позвонил матери Леры в девять двадцать утра, а уже к десяти успел пожалеть об этом решении настолько основательно, что всерьёз задумался, не следовало ли сначала обратиться в полицию. По крайней мере, там существовали определённые правила ведения допроса, а вот Тамара Петровна никогда не считала нужным ограничивать себя подобными условностями.

- Что значит «Лера ушла»? - переспросила тёща с такой ледяной отчётливостью.

Максим стоял посреди кухни, держа в руке оставленную женой записку, которую за последний час успел перечитать столько раз, что теперь мог бы воспроизвести наизусть, включая расположение строчек и наклон букв.

- Не ушла, - начал он, но тут же осёкся, понимая нелепость собственного возражения. - То есть ушла, конечно, но я пока не знаю куда.

- Максим, - произнесла Тамара Петровна, и в одном только его имени уместилось столько неодобрения, сколько иной человек не сумел бы выразить за получасовую воспитательную беседу.

- Я её ищу, - поспешил заверить он.

- Вы поссорились?

- Вроде того.

- Из-за чего?

Максим посмотрел на записку, словно надеялся обнаружить между строчками пояснения, которых не заметил при предыдущих прочтениях.

- Я пока сам не понял.

Последовавшая пауза оказалась настолько тяжёлой, что ему невольно захотелось проверить, не оборвалась ли связь.

- Ты топ-менеджер в крупной компании, тебе сорок лет, вы пятнадцать лет женаты, - наконец заговорила Тамара Петровна, тщательно выговаривая каждое слово, - и ты не понял, из-за чего жена от тебя ушла?

Когда тёща формулировала вопрос подобным образом, Максим чувствовал себя человеком, сумевшим добиться немалых успехов в профессиональной деятельности исключительно благодаря тому, что окружающие вовремя не заметили его вопиющей несообразительности.

- Тамара Петровна, я понимаю, как это выглядит...

- Ты ей изменил? – вдруг спросила теща, нисколько не стесняясь.

- Что?! - от неожиданности Соколов даже отступил от кухонного стола, едва не задев стоявший возле него стул.

- Нормальный вопрос, - невозмутимо заметила тёща. - Женщина собирает вещи, оставляет мужу записку о разводе и исчезает. Какие ещё выводы я должна сделать?

- Я ей не изменял!

- Точно?

- Тамара Петровна, поверьте, если бы у меня была любовница, я бы, наверное, об этом знал.

- Мужчины иногда удивительные существа, - задумчиво произнесла она, словно за долгие годы наблюдений накопила достаточно материала для серьёзного научного исследования.

Максим закрыл глаза, пытаясь собрать остатки терпения, которые стремительно истощались под натиском материнской логики.

- Я никому не изменял, - повторил он уже спокойнее.

- Тогда что ты сделал?

- Ничего!

Ответ вырвался прежде, чем Максим успел подумать, и почти сразу ему стало ясно, насколько неудачно прозвучало это слово. Тамара Петровна, разумеется, не упустила предоставленной возможности.

- Вот это, возможно, и есть твоя главная проблема.

Максим опустился на стул.

За пятнадцать лет знакомства с матерью жены он успел усвоить несколько непреложных истин, среди которых первое место занимала бесполезность споров с Тамарой Петровной. Даже когда она ошибалась, спорить приходилось так долго, что в конечном счёте проще было согласиться, чтобы сохранить остатки душевного здоровья.

- Лера вам не звонила? - спросил он, решив вернуться к единственному вопросу, ради которого вообще затевался

разговор.

- Нет.

- Если позвонит, пожалуйста, сообщите мне.

- Не сообщу.

Максим медленно выпрямился.

- Почему?

- Потому что моя дочь - взрослая женщина и, если решила уехать, наверняка имела на то причины.

- Но она моя жена!

- Вот и разбирайтесь между собой.

- Как я буду разбираться, если понятия не имею, где она находится?

- Надо было раньше разбираться, Максим.

На этом Тамара Петровна сочла разговор исчерпанным и отключилась, оставив зятя созерцать потухший экран телефона.

Некоторое время он сидел неподвижно, чувствуя, как раздражение постепенно уступает место беспокойству, которое с самого утра не отпускало его ни на минуту. Лера могла злиться, обижаться, замыкаться в себе, неделями возвращаться к неприятному разговору, если считала, что они так и не пришли к согласию. Но она никогда прежде не исчезала, оставив вместо объяснения несколько строчек.

Именно это пугало больше всего, а не потрепанная за несколько часов записка и не ее угроза развестись, которую он до сих пор не мог соотнести с их собственной жизнью,

а то, что жена предпочла неизвестность любому разговору с ним.

Следующим Максим набрал Николая Павловича. Отец Леры выслушал его молча, не перебивая и не задавая уточняющих вопросов, что на фоне беседы с Тамарой Петровной показалось почти благословением.

- Сильно виноват? - наконец поинтересовался тесть.

Максим устало потер переносицу.

- Не знаю.

- Значит, сильно.

- Почему?

- Когда немного виноват, мужик обычно знает, за что получил, - рассудительно объяснил Николай Павлович. - А если вообще не понимает, значит, там накопился воз и маленькая тележка.

Максим посмотрел в потолок. Мужская солидарность в этой семье, судя по всему, существовала исключительно в виде красивой теоретической концепции.

- Если Лера вам позвонит, вы хотя бы скажете, где она?

- Тамара велела не говорить.

- Конечно, - пробормотал Максим, окончательно теряя надежду.

- Но я тебе скажу, - добавил тесть после небольшой паузы.

Максим облегчённо выдохнул.

- Спасибо, Николай Павлович.

- Если узнаю.

- Это - уже кое-что.
- И ещё, Максим...
- Да?
- Ты пока сюда не приезжай.
Он нахмурился.
- Почему?
- Тамара тебя убьёт, а мне потом с этим разбираться. Я на пенсии, мне такие приключения ни к чему.

Связь оборвалась прежде, чем Максим успел ответить. Он некоторое время смотрел на телефон, после чего неожиданно рассмеялся - невесело, почти беззвучно, ощущая, как бессилие постепенно вытесняет злость.

За последние два часа ему успели позвонить Алина, Игорь, заместитель и непосредственный начальник, которому понадобилось срочно обсудить вопросы, давно уже потерявшие для Максима всякое значение. Теперь к этому списку добавились родители Леры, причём каждый из них счёл необходимым сообщить собственное мнение о происходящем. Единственный человек, с которым он действительно хотел поговорить сейчас, выключил телефон.

Максим снова развернул записку. Пятнадцать лет брака, четырнадцатилетняя дочь. Квартира, ипотека, общие планы, привычки, праздники, которые они отмечали вместе, и тысячи совершенно обыкновенных дней, из которых постепенно складывалась семейная жизнь. Неужели всё это действительно могло закончиться несколькими строчками, оставленны-

ми на кухонном столе?

Он не верил.

Но впервые за долгое время совершенно не представлял, что следует теперь предпринять.

Глава тринадцатая

К вечеру субботы Лера считала себя уже опытным дачником, хотя любой человек, имевший хотя бы минимальное представление о загородном быте, абсолютно точно усомнился бы в справедливости подобного утверждения. За день ей удалось решить несколько насущных проблем, причём каждое решение потребовало изобретательности, которой она прежде в себе не находила.

Например, обнаружив, что нормального ведра в доме нет, Лера приспособила для подъёма воды большую кастрюлю, привязав к её ручкам верёвку, найденную в сарае. Сооружение получилось сомнительным с инженерной точки зрения. Максим, окажись он рядом, наверняка прочитал бы ей целую лекцию о распределении нагрузки, прочности креплений и последствиях необдуманных технических экспериментов. Именно поэтому Лера испытала особенное удовлетворение, когда кастрюля благополучно поднялась из темного нутра колодца, наполненная холодной и чистой водой. Правда, примерно треть содержимого расплескалась по дороге, зато оставшейся воды с лихвой хватило, чтобы вскипятить чайник, умыться и почувствовать себя полноценным человеком.

С едой дела обстояли проще. Хлеб, сыр и купленные по дороге продукты позволяли пока не задумываться о при-

готовлении нормального ужина. Лера успела обнаружить, что старая плита обладает сложным характером характером, а электрический чайник нагревается так медленно, словно предварительно согласовывает каждый потребляемый ватт с местной энергоснабжающей организацией. Поэтому она справедливо решила, что постарается обойтись бутербродами.

Больше всего хлопот доставила постель. Найденное в шкафу бельё выглядело вполне прилично, однако пахло пылью, старьем и сыростью. Лера сначала решила его постирать, для чего из сарая был извлечен эмалированный таз, а следом она обнаружила на веранде старую стиральную машинку «Малютку», которая, она почему-то это очень хорошо помнила, ужасно разбрызгивала воду при стирке. Да и выглядел агрегат так, будто самое место ему было в техническом музее, а не среди используемой бытовой техники. Некоторое время она разглядывала машинку, пытаясь вспомнить, как вообще включалось устройство, но потом разумно решила, что экспериментировать с неизвестной электропроводкой и машинкой, помнившей, возможно, ещё поздний Советский Союз, не стоит. В итоге решение нашлось: Лера принесла из машины плед, который всегда лежал в машине, и застелила им старый матрас.

К четырём часам июльская жара начала спадать, позволяя наконец открыть окна без опасения, что вместе со свежим воздухом в дом вплывет раскалённое летнее марево.

Лера вышла на крыльцо, опустилась на верхнюю ступеньку и вытянула уставшие ноги. Впервые за весь этот весьма странный день ей совершенно нечем было заняться. И именно тогда вернулись мысли, от которых она так старательно убегала, занимая себя водой, смахивая с мебели пыль, перебирая кастрюли и борясь с заброшенным дачным хозяйством.

Мысли налетели, словно настойчивые комары, которые коварно дожидались, когда Лера закончит неотложные дела и отдастся своей мыслемешалке в голове.

Максим, Алина, маячащую перед их семейной лодкой скалу-развод, о котором она сама заявила столь опрометчиво. А Саша? Что будет с ней? Лера закрыла лицо ладонями, чувствуя, как неприятная тяжесть, весь день прятавшаяся где-то под рёбрами, постепенно расползается по груди, вызывая неконтролируемое желание разреветься.

Что она вообще натворила? Ведь если отбросить все красивые формулировки, которыми можно было оправдать собственное поведение, получалось нечто довольно неприглядное.

Она сбежала. Можно было назвать это желанием побыть одной, необходимостью разобраться в чувствах или даже временной разлукой, полезной для восстановления душевного равновесия. Но женщина, которая тайком собирает вещи, оставляет мужу записку о разводе и уезжает за полторы сотни километров, прекрасно понимая, что её будут искать,

вряд ли могла претендовать на образец зрелого поведения.

И всё же возвращаться Лера не собиралась. По крайней мере, сегодня. Стоило только представить, как она снова переступает порог квартиры, видит Максима и вынуждена будет слушать объяснения, которые могут окончательно подтвердить её подозрения, как внутри всё сжималось от страха. Пока она находилась здесь, среди старых яблонь и покосившихся построек, ещё можно было притворяться, что ничего не решено окончательно, что их брак существует, что Максим по-прежнему принадлежит ей, что нет никакой Алины, а тайных встреч и сообщений, от которых холодело сердце, вообще не было.

Лера опустила руки и посмотрела на лежавший рядом выключенный телефон. Стоило его включить, и внешний мир немедленно потребовал бы объяснений, к которым она пока не была готова. Но там была Саша, которая понятия не имела, куда делась ее непутевая мать, а значит, могла переживать. При мысли о дочери Лере стало особенно стыдно.

Четырнадцатилетняя девочка, проводившая лето у бабушки с дедушкой, совершенно не заслуживала того, чтобы однажды обнаружить: пока она наслаждалась каникулами, родители успели разрушить привычный мир, даже не потрудившись объявить ей о своих планах.

С другой стороны, что именно Лера могла сейчас сказать? «Привет, солнышко, мама подозревает папу в измене, поэтому решила переехать на старую дачу, где нет воды, связи и

водятся дохлые мыши»? Прекрасный пример ответственного материнства – фыркнула Лера, вздыхая. Она взяла телефон и нажала на кнопку включения.

Сначала на ожившем экране возникла одна робкая полоска связи, которая, впрочем, немедленно исчезла, словно оператор сотовой связи передумал связываться с этим краем географии. Но потом сигнал вернулся, и телефон завибрировал, выплескивая на экран накопившиеся уведомления.

Двадцать два пропущенных вызова от Максима, три от матери, один от отца и несколько разномастных сообщений, среди которых Лера сразу увидела Сашкины.

«Ма, ты где?», через час следующее, состоящее всего из одного слова: «Мам?», а ещё позже:

«Папа мне звонил, он какой-то странный. У вас всё нормально?».

Лера почувствовала, как защипало глаза. Она представила дочь, которая, вероятно, уже успела придумать несколько неприятных объяснений происходящему, и поняла, что так продолжать нельзя.

Открыв их чат с дочкой, Лера набрала: «Всё хорошо, солнышко. Я уехала немного отдохнуть, поэтому связь плохая. Не волнуйся, позже обязательно позвоню. Люблю тебя».

Она отправила сообщение, но то осталось висеть в ожидании. Лера нахмурилась, подняла телефон выше и несколько секунд простояла с вытянутой рукой, ощущая себя участницей какого-то странного обряда, посвящённого древним

богам мобильной связи. Боги были глухи и ничего не произошло. Тогда она поднялась с крыльца и прошла несколько шагов по дорожке. Наконец, появилась одна полоска, и сообщение наконец улетело к адресату.

- Великолепно, - пробормотала Лера, разглядывая экран. - Осталось выяснить, как здесь принимать электронную почту и вызвать скорую в случае чего.

Она попыталась позвонить матери, но связь оборвалась, едва успел прозвучать первый гудок.

Пройдя дальше по участку, Лера остановилась возле старой яблони и снова подняла телефон. Возле раскидистого фруктового дерева связь показывала две полоски. Лера недоверчиво посмотрела на экран.

- Серьёзно?

За годы, прошедшие с последнего полноценного дачного лета, местная инфраструктура, судя по всему, развивалась весьма своеобразно. Когда-то связь здесь практически отсутствовала, теперь же появилась возможность воспользоваться интернетом, если правильно выбрать дерево и принять достаточно унизительную позу. Правда, до уличного туалета цивилизация еще не добралась, но об этом Лере предстояло подумать попозже, через несколько часов.

Пока женщина думала об уровне развития технологий в отдельно взятом СНТ, аппарат внезапно зазвонил. На экране высветилось имя Максима.

Лера застыла, будто он поймал ее с поличным на месте

преступления. Палец почти коснулся зелёной кнопки, но в последний момент она отдёрнула руку.

Нет, сейчас она не сможет. Не сможет слушать его голос, привычный и родной, не сможет спокойно спросить об Алине и тем более не выдержит ответа, которого так боялась.

Она сбросила вызов. Следом пришло сообщение: «Я знаю, что ты включила телефон. Просто напиши, что с тобой всё нормально».

Лера долго смотрела на эти простые слова. В них не было ни упрёка, ни угрозы, ни даже привычного раздражения, с которым Максим обычно реагировал на её внезапные решения. В сообщении была только просьба, но почему-то от этого стало ещё тяжелее.

- Со мной всё нормально, - прошептала она вслух, набирая текст.

Почти мгновенно прилетело новое смс: «Где ты?»

Лера прикусила губу. «Лера» - она почти слышала, каким голосом он произнёс сейчас её имя. Он говорил так – негромко, сдержанно, когда терпение уже подходило к концу, но он всё ещё пытался разговаривать спокойно.

Лера трусливо выключила телефон.

- Завтра, - сказала она вслух, словно подбадривая саму себя. – Как Скарлетт О'Хара, обо всём подумаю завтра.

Сегодня ей хотелось хотя бы несколько часов прожить без необходимости принимать судьбоносные решения, тем более что именно сегодня была годовщина их свадьбы - самая

нелепая, печальная и совершенно не похожая на праздник из всех, что им довелось отмечать.

Солнце постепенно опускалось за деревья, окрашивая старые доски крыльца густым медовым светом. Воздух, ещё недавно тяжёлый от жары, становился прозрачнее и прохладнее, наполняясь запахами нагретой травы, яблоневых листьев и влажной земли возле колодца.

Лера вернулась на ступеньки, уселась на них и, обхватив колени руками, посмотрела на сад.

Когда-то здесь было красиво, и красота эта была не безупречная, которую создают приглашённые ландшафтные дизайнеры, размещая кусты и цветники по заранее утверждённому плану, а особенная, немного беспорядочная, какой бывает красива старая семейная дача. Смородина росла там, где её посадила бабушка – у изгороди. Яблони раскинули ветви над дорожками, гнулись под тяжестью созревающих плодов, не считаясь с удобством проходящих под ними. У крыльца цвели флоксы, а возле забора из года в год появлялись мальвы, которые никто специально не сеял.

Лера вдруг вспомнила их первое лето после свадьбы. Они приехали сюда вдвоём - молодые, счастливые и совершенно точно уверенные, что впереди у них бесконечное количество времени, которого хватит на любые планы.

Максим тогда взялся красить крыльцо. Лера сидела на ступеньках, поджав босые ноги, и вслух читала ему инструкцию на банке, потому что муж категорически отказывался

действовать по кем-то утвержденному списку действий.

- Инструкции пишут люди, которые не доверяют человеческой интуиции, - заявил он тогда, вооружившись кистью.

- А ты, значит, доверяешь? - поинтересовалась Лера.

- Безоговорочно.

Через десять минут он умудрился испачкать краской нос, облокотиться на свежевыкрашенную доску и испортить тем самым новую футболку, а к вечеру они оба надышались парами краски так, что першило в горле, а глаза слезились. Потом молодожены ели жареную картошку прямо из сковороды, потому что чистые тарелки обнаружить не удалось, а мыть посуду в холодной воде никому не хотелось. Спали на старой продавленной кровати, которая скрипела при каждом движении, словно выражая свое возмущение происходящему.

Лера улыбнулась воспоминанию. Тогда им казалось, что любовь способна справиться с любыми неприятностями. Достаточно быть вместе, держаться за руки и знать, что рядом именно тот человек, с которым хочется прожить всю жизнь.

С тех пор прошло пятнадцать лет - целая жизнь, вместившая в себя миллион событий - рождение Саши, бессонные ночи, первые зубы, школьные праздники, ипотеку, переезды, отпуска, болезни, ссоры и примирения. Неужели всё это действительно закончилось?

Лера посмотрела на облупившуюся краску крыльца. Под ней всё ещё виднелся тот самый слой, который когда-то на-

носил Максим. Она провела пальцами по шероховатой доске, неожиданно почувствовав такую острую тоску по прежним временам, что пришлось отвернуться, чтобы не расплакаться.

В этот момент за забором послышался шум двигателя от проезжающего по узкой улочке автомобиля. Лера не обратила внимания. В посёлке кто-то жил постоянно, а по дороге время от времени проезжали машины, направлявшиеся к дальним участкам.

Однако машина не уехала, наоборот, звук приблизился, стал громче и отчётливее, а затем авто замедлилось и остановилась прямо возле калитки.

Лера выпрямилась.

Хлопнула дверца, послышались шаги. А через несколько секунд над перекошенным забором показалась знакомая голова. Высокий мужчина в тёмной футболке остановился перед калиткой, некоторое время через прорехи разглядывая заросший участок, после чего решительно толкнул створку. Та отозвалась протяжным скрипом, словно считала своим долгом предупредить хозяйку о приближении незваного гостя. Лере не пришлось долго гадать, потому что она моментально его узнала. Это был Максим.

Глава четырнадцатая

Максим вошёл во двор. Лера медленно поднялась и выпрямилась. Несколько секунд они смотрели друг на друга, не произнося ни слова. За последние часы она столько раз представляла эту встречу, что теперь, когда муж действительно стоял перед ней, все заранее приготовленные фразы куда-то исчезли.

Максим выглядел уставшим. На лице залегли тени, волосы были слегка растрёпаны, а выражение глаз оказалось таким непривычно напряжённым, что Лера невольно почувствовала укол тревоги.

Он оглядел крыльцо, старый дом, открытое окно и наконец остановил взгляд на резиновых сапогах, которые Лера оставила возле ступенек.

- Я так и знал, - произнёс он.

Лера скрестила руки на груди, пытаясь вернуть себе хотя бы видимость уверенности.

- Что именно?

- Что ты здесь. – Макс повел руками, указывая на участок.

Она моргнула.

- Как ты меня нашёл?

Максим кивнул на сапоги.

- Ты их забрала.

Из всех возможных объяснений это оказалось настолько

неожиданным, что Лера на несколько секунд растерялась.

- И что?

- Лер, ты ненавидишь рыбалку, в лес за грибами за пятнадцать лет добровольно не ходила ни разу, а

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.